

Элеонора Девиљнуа

ГОРОД БЕЗ ВЕТРА

Маги Тунербореи

Young Adult. Город без ветра

Элеонора Девильтуа

Маги Гипербореи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Девильпуа Э.

Маги Гипербореи / Э. Девильпуа — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Город без ветра)

ISBN 978-5-04-120931-5

Гиперборея – город вечного солнца, окруженный ледниками и густым туманом, от которых его защищает магический купол. Юных магов здесь обучают тайнографии, механической магии, а еще тренируют управлять стихиями и левитацией. Чтобы закончить учебу, каждый студент должен представить министрам изобретение, которое послужит на благо городу: гидротелеграммы, детекторы магической силы, браслеты-крылья. Однако магия не всегда может спасти, а гиперборейцам угрожает не только холод. Уже много лет длится вражда между народами Гипербореи, Напоки, Темискиры и амазонками, способная уничтожить их всех. Ластианакс Молодой маг, который находит бездыханное тело своего наставника. Юноша уверен, что это убийство. Арка Сирота из Напоки, дочь амазонки и мага, владеющая левитацией и управляющая огнем. Девушка отправляется в Гиперборею на поиски отца. Он ищет убийцу. Она – свое прошлое. Но чтобы найти ответы, им нужно объединиться, пока купол Гипербореи все еще может их защитить.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-120931-5

© Девильпуа Э., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1. Змей и убийство	6
Ластиванакс	6
Арка	8
Ластиванакс	13
Арка	19
2. Добро пожаловать в Гиперборею	23
Арка	23
Ластиванакс	26
Эмброн и Тетос	29
Ластиванакс	31
Арка	35
Лофадь	38
3. Состязание василевса	43
Ластиванакс	43
Арка	49
Алькандр	52
4. Седьмой уровень	54
Ластиванакс	54
Арка	58
Тройняшки	66
Эмброн и Тетос	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Элеонора Девильпуа

Маги Гипербореи

«Я вложила столько сил в эту книгу, что в твоих же интересах посвятить ее мне».

Виктуар Девильпуа, 2018

Éléonore Devillepoix

La ville sans vent

© Hachette Livre, 2020

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Персонажи *«Города без ветра»* существовали еще до моего прихода в Европейский парламент: любое сходство с современными политиками, если таковое обнаружится, чистая случайность.

На последних страницах книги есть глоссарий, составленный с большим усердием. Он поможет читателям, если их воображение спасует пред лицом обилия гиперборейских слов и выражений.

1. Змей и убийство

Ластианакс

Жизнь так причудлива, а судьба готовит нам столько превратностей и неопределенностей, что порой мы изумляемся, видя, как осуществляются наши давние мечты.

В тот день Ластианакс завершал защиту своего диплома, а уголком сознания прослеживал путь, который привел его в этот безмолвный зал, где слышался только его голос. Он с удивлением понял, что проект, работа над которым казалась ему нескончаемой, вот-вот воплотится в жизнь.

– Таким образом, благодаря этому детектору можно наблюдать силу, форму и перемещение анимы, – заключил молодой человек.

Слегка трясущимися от переживаний руками он положил на стол опытный образец изобретенного им прибора, которым манипулировал во время демонстрации.

– Благодарю за внимание.

Сидевшие на помосте члены комиссии одобрительно закивали.

Ластианакс знал, что не стоит слишком на них рассчитывать, и все же испытал разочарование при виде их реакции, ведь он целый год вкалывал как проклятый. Пока он собирал свои бумаги, к нему подошел тайнограф и попросил выйти и дожидаться окончания обсуждения.

Ластианакс кивнул и передал членам комиссии детектор анимы, чтобы они могли не торопясь изучить его изобретение. Под взглядами четырех преподавателей юноша вышел из зала и закрыл за собой дверь.

Оказавшись снаружи, Ластианакс вздохнул и прислонился к стене.

Наконец-то все позади. Владевшее им до этого момента напряжение спало, осталось лишь странное чувство пустоты. Молодой человек опустил глаза, посмотрел на свою ученическую тунику и сообразил, что больше не будет ее носить.

Он станет магом Гипербореи, получит должность, доход и наконец-то избавится от наставника.

Кстати говоря, где же он, этот самый наставник? На галерее никого не было. Ластианакс облокотился на парапет между двумя увитыми плющом колоннами и выглянул на террасу. Никого. Возможно, Палатес занят или просто забыл, что у его ученика сегодня защита. Ластианакс нахмурился, взъерошил пятерней свои каштановые волосы. За пять лет он успел понять, что не стоит многого ждать от Палатеса. Наставник оказался страстным коллекционером: он целыми днями бегал по городу, выискивая всевозможные безделушки для своей коллекции, вместо того чтобы заниматься делами в Министерстве усреднения. В последнее время его страстью стали куры: всего за месяц Палатес собрал огромное количество расписных куриных яиц, статуэток кур, куриных перьев – хорошо хоть, живых куриц в дом не приносил. В этот час он, скорее всего, договаривается о покупке очередного медальона с изображением пресловутой птицы в какой-нибудь антикварной лавочке на третьем уровне.

От маниакального увлечения своего наставника страдал только Ластианакс. Другие министры довольно потирали руки: дилетантство Палатеса открывало им простор для бурной деятельности. Ластианакс подозревал, что они сами способствовали избранию Палатеса на его нынешнюю должность. А между тем именно он, Ластианакс, помимо собственно работы над дипломным проектом, занимался всеми документами, пока Палатес, словно беспечный ребенок, резвился в Гиперборее.

Наконец Ластианакс решил спуститься на террасу и там подождать решения членов комиссии, пока те совещаются. Сунув свои записи под мышку, он быстро прошагал по укра-

шенной мозаиками галерее, прошел под аркой и оказался на террасе. На открытом пространстве его мгновенно ослепил яркий солнечный свет, перед глазами заплесали темные пятна. Болезненно щурясь, Ластианакс побрел мимо цветочных клумб и фонтанов к краю огромного балкона, за которым возвышались башни Гипербореи. Взгляд юноши упал на какой-то темный предмет, лежащий возле одной из скамеек. Ластианакс озадаченно поморщился, заморгал, не сразу поняв, что именно видит и почему увиденное кажется таким странным.

На земле лежал Палатес. Мертвый.

Арка

Арка сняла капюшон затянутой в варежку рукой, открыв лицо – совсем еще юное, уже не ребенок, но еще не девушка. От холода ее белая кожа пошла красными пятнами, из носа текло, так что над верхней губой поблескивали две застывшие ледяные дорожки. Возле ее кожаных, облепленных снегом сапог начиналась трещина шириной примерно в десять шагов, расколовшая ледник.

– Ладно, думаю, мы заблудились.

По правде говоря, Арке следовало признать это еще три дня назад. Она обращалась к Карапузу, хоть и понимала, что тот не ответит. Названный так из-за своего малого роста, ее спутник был всего лишь белым конем, мохнатым и поджарым, и его дурной нрав мог сравниться лишь с его ленью. Если Карапуз не спал, он ел, а если не ел, то прижимал уши и показывал зубы. В данный момент отсутствие корма слегка поумерило его злость: конь печально вздыхал, раздувая впалые бока, и, понунив голову, поглядывал на хозяйку, а та всматривалась в окружающую мглу, и ветер развеивал ее подернутые инеем светлые волосы.

– Проклятый туман!

Они ходили кругами с тех пор, как ступили на обледенелые склоны Рифейских гор, совершенно потерявшись в нависшей над землей странной дымке. Сквозь плотную завесу тумана совершенно не проникал солнечный свет, а ночью казалось, будто эта странная мгла светится сама. Уже в третий раз Арка едва не свалилась в расщелину.

Караванчики горячо отговаривали Арку от путешествия через ледник, хотя это был самый короткий путь в Гиперборею. Но юная путешественница поступила по-своему, полагая себя намного умнее других: в тринадцать лет люди часто так поступают. Теперь она горько жалела о своей самонадеянности. В последний раз они ели два дня назад, и, поглядывая на круп Карапуза, девочка уже начинала подумывать о жареной конине.

Помогая себе зубами, она стянула с рук варежки и подошла к коню. На боку животного висели пустые седельные сумки и пара сломанных снегоступов, прикрепленные к самодельному седлу. Несколько минут Арка боролась с застежками: онемевшие от мороза пальцы плохо слушались. Потом она все же сумела ослабить задубевшие ремни, и поклажа с сухим скрипом соскользнула на землю. Освободившись от ноши, Карапуз фыркнул.

Арка расстелила на снегу толстую кожу, из которой были сшиты седельные сумки, отцепила снегоступы, разломала их на куски, сложила обломки на коже и щелкнула пальцами – импровизированный костер загорелся. Она вытащила из седла деревянные бруски, сунула их в огонь, разбила в миске куски льда и поставила миску на огонь. Поднявшийся в воздух дым клубился вокруг ноздрей придвинувшегося к огню Карапуза. Арка сидела на корточках и терпеливо ждала, протянув руки к пламени. Когда над миской поднялся пар, она вытащила из-за пазухи холщовый мешочек и бросила последние крошки сушеных листьев в кипящую воду. Дав жидкости настояться, девочка вылила ее в пиалу.

Арка поднесла пиалу к самому носу, пытаясь впитать уходящее тепло, огляделась. В сущности, что такое ледник? Обычно это гора или холм, чтобы его преодолеть, нужно идти вниз по склону. К сожалению, туман поглотил все ориентиры – даже Карапуз почти скрылся в белой дымке.

Арка сделала несколько глотков и сразу почувствовала, как оживает ее тело. Нужно взять себя в руки, наверняка есть способ выбраться отсюда. С помощью браслета-крыльев она могла бы быстро перелететь через ледник, но сейчас волшебный механизм браслета скован холодом, и в любом случае нельзя бросать Карапуза в этом проклятом тумане.

Ее импровизированный чахлый костерок угасал. Пламя пожирало кожаные седельные сумки, и вскоре осталось лишь углубление в снежной корке, окрашенное черным пеплом.

Арка спрятала миску и пустую пиалу в карман, пытаясь не обращать внимания на протестующее урчание в желудке: организм требовал твердой пищи. Туман вокруг настолько сгустился, что, казалось, его можно пощупать кончиками пальцев.

Охваченная внезапным вдохновением, Арка подняла голову и вгляделась в даль. Где-то там, вверху, должно быть чистое небо, горизонт, который подскажет ей, куда идти дальше. Нужно просто подняться над плотной завесой облаков.

Недалеко от ее стоянки сквозь туман проступали контуры невысокого пригорка. Арка встала и зашагала в ту сторону, держась на почтительном расстоянии от расщелины, едва видимой в туманной дымке. Огромная борозда змеилась по земле, словно недавно прямо из-под льда вдруг забил теплый источник, и поток воды образовал ручей. Девочка добралась до пригорка, в несколько прыжков взлетела на его вершину и встала на большой обледеневший камень. Теперь нужно лишь левитировать.

Арка сконцентрировалась и послала свою аниму ввысь. Она уже давно не летала, и ощущение исходящей из ее тела энергии показалось ей очень странным. Ноги девочки оторвались от покрывающей валун ледяной корки, ее тело вырвалось из цепкой власти земного притяжения. Почва начала медленно удаляться и исчезла в тумане. Где-то внизу шумно фыркал Карпуз, в то время как Арка парила в густом тумане. В груди заколол холодок, руки и ноги задрожали, в голове загудело. Девочка внезапно потеряла контроль над своей анимой.

В тот же миг ее тело устремилось к земле. Арка приложила колоссальные усилия, чтобы смягчить падение. Она оттолкнулась от обледеневшего валуна, упала на спину и покатилась вниз с пригорка.

Раскинувшись на земле, она несколько мгновений лежала неподвижно, и шее было холодно из-за набившегося в капюшон снега. Карпуз рысцой подбежал к своей хозяйке.

– О-о-ой, – пробормотала Арка, отталкивая голову коня, когда тот обнюхивал ее уши.

Девочка встала, обескураженно вздохнула. Если даже магия ей не помогает, как же она выберется из этой ледяной пустыни? С наступлением оттепели ее искореженное тело найдут в бурном горном потоке караванщики. Они рассказывали ей, что такая участь уже много лет постигает всех смельчаков, рискнувших ступить на этот ледник. Ну, почему она их не послушала?

Арка распекала себя последними словами, как никогда остро осознавая свое одиночество и сосущую пустоту в животе, но вдруг Карпуз фыркнул и наострил уши. Арка перевела взгляд в ту сторону, куда смотрел конь, все ее чувства мгновенно обострились. Несколько секунд спустя до нее донесся странный ритмичный звук: *виу-у-ух-х-х-х... Виу-у-ух-х-х-х... Виу-у-ух-х-х-х...* Словно по снегу катились сани.

Ошеломленная, Арка медленно встала. С тех пор как она рассталась с караванщиками, ей ни разу не встретилось ни единого свидетельства людского присутствия на этом леднике. Неужели каким-то чудом она только что столкнулась с другим человеком, предпринявшим, как и она, безумную попытку пересечь эту пустошь?

– Ау, есть там кто-нибудь? – крикнула она. – Сюда!

Сани приближались, шурша по снегу все быстрее и быстрее, как будто возница услышал зов девочки. Арка снова закричала что есть мочи, даже привстала на цыпочки. Она так обрадовалась возможности увидеть хоть одну живую душу, что совершенно не беспокоилась о том, кем окажется ее случайный попутчик. В конце концов, ничего не может быть страшнее перспективы околоть от холода в этой глуши.

– *Я вижу твоё прошлое...*

Арка замерла. Прозвучавший в непроницаемом тумане голос отозвался от белесых камней странным эхом: очень четкий, но при этом не низкий, не высокий... В нем определенно не было ничего человеческого.

Виш-у-ух-х-х-х... Виш-у-ух-х-х-х... Виш-у-ух-х-х-х... Существо приближалось все быстрее и быстрее. Шорох больше не походил на скрип полозьев по снежной корке. Арку прошиб холодный пот. Она ухватила за жесткую гриву Карапуза, чтобы набраться храбрости.

– Кто вы? – воскликнула она.

Из тумана проступил какой-то колышущийся силуэт, он стремительно приближался.

– Я вижу твое прошлое... Плод невероятного союза... Одинокое дитя, которому дала приют старуха... Множество деревьев, блеск синевы на поясах... И вдруг... ОГОНЬ!

Из тумана выполз огромный белый змей, длиной около двадцати шагов, его черный раздвоенный язык хищно трепетал, в глазах, лишенных век, темнели вертикальные зрачки. Тело рептилии покрывали тысячи тонких, полупрозрачных чешуек, похожих на льдинки; в них, точно в крохотных зеркалах, отражались округлившиеся от изумления глаза Арки.

Девочка проворно попятилась, и ее конь сделал то же самое. За их спинами зияла глубокая расщелина в земле, преграждая путь. Перед ними змей поднялся во весь рост, его голова взметнулась так высоко, что исчезла в тумане. Положив руку на холку Карапуза, Арка переступила с ноги на ногу, чтобы не потерять равновесие на льду, и решительно взглянула на жуткое существо.

Конь вдруг испуганно заржал и бросился бежать во весь опор. От возмущения Арка на миг даже забыла о чудовище.

– Трус! – крикнула она.

Краем глаза девочка увидела, как змей бросился вперед, и сразу же отскочила в сторону. Острые клыки рептилии чиркнули ее по ноге. Чувствуя, как бешено колотится сердце, Арка на четвереньках стала отползать от монстра, поскуливая от ужаса. Она оказалась в западне на краю расщелины. Перекатывая свои чешуйчатые кольца по земле, ледяной змей снова заговорил, хотя из закрытой пасти не доносилось ни звука.

– Эта старуха покрыта перлам... Бегство поджигателя, и твое бегство через три страны... Снова жизнь в Напоке, и снова смерть в Напоке... А теперь Гиперборея!

Рептилия припала к земле. Арка увидела, как распаивается пасть, ошетилившаяся клыками, и опять перекатилась вбок. Голова чудовища ударилась о мерзлую землю на том месте, где Арка находилась мгновением ранее. Раздался звон – это разбились о камень чешуйки. Змей выпрямился, развернув кольца своего тела одним плавным движением.

– Я вижу твое настоящее... Проклятая, петляй, уворачивайся, скользи по льду, чтобы избежать моих атак!

Змей снова сделал бросок. Арка метнулась в сторону и послала в существо сгусток огня. Змей с яростным шипением отпрянул, ожесточенно замотал огромной головой из стороны в сторону. Вода сочилась из его охваченной пламенем чешуи. Воспользовавшись этой минутной слабостью противника, Арка начала лихорадочно озираясь, пытаясь найти способ избавиться от чудовища. Взгляд ее упал на ледяную глыбу, угнездившуюся на самом краю холма высоко вверху. Девочка бросилась бежать во весь дух и в мгновение ока взлетела вверх по склону. Внизу змей возобновил погоню, преследуя добычу по запаху, его огромное тело снова волнообразно выгибалось, порождая ритмичное «виш-у-ух-х-х».

– Я вижу твое будущее... Смех, за который тебя полюбят... Грифон обвивает твой палец... Тринадцатый наследник ждет тебя в мавзолее...

На вершине пригорка Арка изо всех сил толкала глыбу льда и никак не могла сдвинуть ее с места. Задышавшись, она отступила на два шага и в ярости пнула глыбу ногой – та сдвинулась на полпальца, издав протяжный скрип. Змей заметил девочку и стремительно пополз к ней. Арка сосредоточила свою аниму в ногах и снова пнула ледяную глыбу. Из-за силы удара она потеряла равновесие и упала на спину, зато валун наконец оторвался от насыпи и покатился по склону, увлекая с собой небольшую лавину. Арка услышала громкое «БУМ!», за которым последовало яростное шипение.

Она выпрямилась и посмотрела вниз: огромный змей беспомощно извивался, придавленный к земле кусками льда. Его длинный хвост со свистом рассекал воздух, хлестал по земле, но освободиться монстр не мог.

– ХА! Попался!

Арка съехала с обледеневшего склона и прыгнула на ледяной завал, еще сильнее придавив рептилию. Змей поднял голову и гневно зашипел. Арка почувствовала, как лед движется у нее под ногами: ее противник не собирался долго лежать под кучей льда и снега.

При других обстоятельствах девочка убежала бы со всех ног, но змей был первым живым существом, с которым она столкнулась за три дня блужданий по леднику. Более того, это существо владело даром речи.

– Теперь можно и поговорить, – сказала Арка уверенно, хотя в душе обмирала от страха. – Что ты такое?

– *Тот, кто предрекает прошлое, настоящее и будущее... Людишки вроде тебя называют меня Пифоном.*

– Впервые слышу, – заявила девочка и уселась на горе льда, скрестив ноги.

Хвост чудовища с силой хлестал воздух, отчего ледяной завал содрогался.

– *Я легенда... (Жуткий голос рептилии зазвучал почти обиженно.) Змей, убивающий людей и открывающий будущее тем, кто сумеет одержать над ним верх... Хочешь узнать свое будущее?*

Арка хлопала по куче льда кончиками варежек.

– Не уверена, что хочу это слышать, – ответила она и состроила рожицу. – Может, лучше покажешь мне дорогу в Гиперборею? Как выбраться из этого проклятого тумана?

Змей раздраженно стрельнул языком. Хвост чудовища хлестал по земле все сильнее, и Арка гадала, как скоро оно вырвется на свободу. Куча льда под ней крошилась при каждом рыжке рептилии.

– *Я Пифон, змей, предрекающий прошлое, настоящее и будущее... а не карта.*

Раздосадованная, Арка нервно покусывала прядь волос и напряженно размышляла. Ситуация складывалась совсем не блестяще. Она потерялась, ее конь убежал, ей нечего есть, змей размером с дом только и ждет возможности ее сожрать, а туман все такой же густой.

Внезапно раздался топот копыт: прискакал Карапуз и остановился на почтительном расстоянии от чудовища. Возвращение товарища приободрило Арку.

– Предположим, я в конце концов найду дорогу, – с воодушевлением сказала она. – В таком случае мой путь уже предначертан мне судьбой, верно? Ты же можешь прочитать мое будущее?

– *Несомненно...*

– Хорошо, тогда подскажи мне, как выбраться с этого ледника.

Змей возмущенно зашипел.

– *Так будущее не предрекают...*

– А я именно так и хочу его узнать. Ответь мне.

Хвост рептилии со свистом рассек воздух.

– *Два дня тебе придется идти вдоль этой длинной расщелины... Следуя этим путем, ты сможешь покинуть ледник, и Гиперборея откроет тебе свои двери... Там тебе встретится...*

– Хорошо, хорошо! – воскликнула Арка, не желая выслушивать поток предсказаний. – Дальше рассказывать необязательно. Значит, мне просто нужно идти вдоль этой расщелины?

Змей снова стрельнул черным языком, и Арка расценила это как кивок. Она спрыгнула с груды льда и осторожно отступила на несколько шагов, прикидывая, сможет ли чудовище освободиться, однако змей перестал извиваться, и теперь его глаза с вертикальными зрачками наблюдали за ней. Арке казалось, что монстр глядит на нее с недобрым весельем. Интересно,

что он задумал. Эта партия осталась за ней, но что-то подсказывало девочке, что змей еще не закончил играть.

Большое теплое тело прислонилось к спине Арки: Карапуз подошел к хозяйке и потерялся об нее головой.

– Эх ты, глупый ослик, – сказала она, но все равно почесала ему шею.

Раздался бесплотный голос:

– *Я открыл тебе твое будущее... Теперь ты должна освободить меня...*

Арка повернулась к чудовищу и насмешливо воскликнула:

– Чтобы ты снова на меня напал? У меня есть идея получше: скоро оттепель, так что вся эта куча льда со временем растает... Если, конечно, ты не растаешь вместе с ней.

Ей показалось, что змей прищурился. Арка зашагала прочь от завала, за ней тронулся и Карапуз. Зияющая в земле расщелина, зловещая пропасть, вдоль которой им надлежало идти, терялась в тумане. Когда змей уже почти исчез в белесой дымке, девочка в сомнении остановилась, а потом и обернулась.

– Если ты знаешь мое прошлое, настоящее и будущее, почему напал на меня? Ты же знал, что я буду драться и заставлю тебя помочь мне.

Голова змея загадочно покачивалась. Арка могла бы поклясться, что он улыбается.

– *Кто сказал, что я помог тебе, подсказав путь в Гиперборею?*

Ластиянакс

В конечном счете Палатес все же пришел на защиту своего ученика.

Наставник Ластиянакса лежал, раскинув руки в стороны, на клумбе с напокскими орхидеями и взирал на ученика мертвыми, остекленевшими глазами. Его седые волосы, обычно аккуратно зачесанные, сбились в ключья над висками. Красная опухшая голова упиралась в подножие каменной скамьи, словно, умирая, Палатес свалился с нее. В правой руке он все еще сжимал свое последнее приобретение – керамическую статуэтку курицы.

Ластиянакс в оцепенении наблюдал, как слуги укладывают покойника на носилки и накрывают саваном. Они отнесут тело в погребальный зал. Спустя час после обнаружения трупа Ластиянакс все еще не мог осознать смерть своего наставника: такое казалось просто невыносимым. Когда они виделись накануне, Палатес был в полном здравии, как всегда весел и добродушен.

На галерее, полукругом охватывающей террасу, толпились чиновники и с живым интересом наблюдали за происходящим. Смерть в Магистериуме, к тому же не простого человека, а министра, – это целое событие. До Ластиянакса долетали приглушенные голоса: народ терялся в догадках.

- Наверняка сердце не выдержало, у магов оно всегда первым отказывает.
- Я слышал, как один слуга сказал, что Палатес подавился, когда пил.
- Бьюсь об заклад, это апоплексический удар, мой двоюродный брат точно так же умер в прошлом году. Вдруг – раз! – и за пару минут его не стало.
- Возможно, это убийство...
- Как, скажи на милость, его могли убить? На теле нет никаких видимых ран, и никто не слышал крика.

Ластиянакс опустил глаза и посмотрел на кольцо, которое теперь носил на указательном пальце. Вещица была украшена изображением грифона, по ободку выгравировано его, Ластиянакса, имя. Несколько минут назад к юноше подлетел профессор магмеха, поспешно, точно нелегальный уличный торговец, сунул ему в руку кольцо и торопливо покинул террасу, где все еще лежало тело его коллеги. Как правило, наставник ученика преподносил ему кольцо во время торжественной церемонии. Символ ремесла мага, это кольцо позволяло Ластиянаксу свободно перемещаться между уровнями Гипербореи и ставить свою печать на официальных документах. Еще профессор пробормотал слова соболезнования и между делом объявил Ластиянаксу результаты его защиты – одиннадцать из двенадцати. За последние десять лет никто не удостоивался такого высокого балла.

Ластиянакс заторможенно выслушал хорошие новости, будучи не в состоянии ни радоваться за себя, ни скорбеть о судьбе наставника. Он пять лет проклинал Палатеса, и теперь его разум был просто не готов испытывать по отношению к старику что-либо, кроме нетерпения и раздражения.

Впрочем, первое потрясение очень быстро прошло, и в душе юноши всколыхнулась глубокая печаль. Ластиянакс принялся расхаживать по террасе взад-вперед. Он злился на Палатеса за его внезапную кончину и тут же начинал винить себя за подобный эгоизм. До сего дня он считал наставника обузой, а теперь вдруг понял, какое важное место в его жизни занимал старый чужак.

Молодой маг остановился в центре террасы, закрыл глаза, снова открыл и поглядел на синее небо, раскинувшееся за гигантским куполом. Разум требовал срочно переключиться на какую-то практическую задачу. Все в этом мире должно иметь логическое объяснение.

Ластиянакс перевел взгляд на цветочные клумбы, высматривая какую-то подсказку, которая помогла бы ему понять, как прошли последние минуты жизни его наставника. Палатес

всегда отличался отменным здоровьем. Скончался ли он от естественных причин или, как предположил один из чиновников, старика убили? Скоропостижная смерть Палатеса – полная нелепица, тут волей-неволей поверишь в преднамеренное убийство, но Ластианакс, хоть тресни, не понимал, кто мог желать зла его наставнику. Палатес был некомпетентен, зато уступчив, то есть обладал двумя важнейшими для политика качествами, без которых немислима долгая карьера в Гиперборее.

В дальнем конце террасы возвышалась монументальная статуя под названием «Магистериум просвещает народ»: величественный каменный маг держал светящийся шар над толпой изумленных лиц. Внимание юноши привлек какой-то проблеск у подножия изваяния. Ластианакс подошел ближе и обнаружил в траве керамическую курицу. Должно быть, она выпала из разжавшихся пальцев Палатеса, когда слуги уносили тело. Молодой человек долго смотрел на фигурку, не в силах примириться с подобной трагической нелепостью: получается, незадолго до смерти его наставник потратил последние минуты жизни на покупку такой безделицы.

– Ластианакс!

Юноша поднял голову и увидел, что к нему рысцой бежит Силен, энергичный профессор тайнографии. Полы тоги развевались у него за спиной, а выпирающий живот тянул его вперед и вниз, так что маг совершенно запыхался.

– Дорогой Ластианакс, примите мои... – пропыхтел Силен.

Он остановился, тяжело дыша, замахал пухлой рукой – мол, подождите минутку – и облокотился на перила нависавшей над пустотой террасы.

Магистериум занимал вершину второго по высоте здания Гипербореи. Перед ними раскинулся лес огромных цилиндрических башен, а в вышине сиял полупрозрачный купол, размеру которого позавидовало бы само небо. Ластианакс незаметно спрятал статуэтку в складках туники.

– Мои соболезнования, – закончил Силен. – Совет только что потерял... ф-ф-фу-у-ух... великого человека... Подождите, мне нужно сесть, я больше не могу.

Тайнограф плюхнулся на небольшую каменную скамейку, похожую на ту, возле которой лежал Палатес. Тога на объемных ягодицах профессора так натянулась, что того и гляди грозила треснуть по швам.

– Какая трагедия, да еще и в день вашей защиты! Вам должны были вручить ваше кольцо... Ах, уже вручили... Да, это хорошо... Очевидно, у вас сегодня нет настроения радоваться, но я всегда устраиваю небольшой прием в честь нового класса магов, когда все ученики представят свои изобретения, это будет возможность отпраздновать ваш успех, – сочувственно приговаривал тайнограф, похлопывая юношу по локтю. – Я до сих пор помню, как проходила защита вашего наставника, – радостно продолжал он. – В то время я был очень молодым профессором. Палатес так нервничал, что минуты две не мог вымолвить ни слова, зато потом потряс комиссию великолепной презентацией. Впрочем, в том году мне тоже пришлось иметь дело с...

Он прервал свою увлекательную историю, увидев усталое выражение лица Ластианакса. Тот дорого заплатил бы, чтобы избежать многословных соболезнований своего бывшего преподавателя. В классе Силен зачастую отвлекался от темы лекции и многократно повторялся. Большую часть времени он делал вид, что не замечает покашливаний и нетерпеливых вздохов своих учеников. На этот раз, к счастью, он поспешно свернул свою болтовню.

– Ах, простите, даже в самые трудные минуты не могу не обратиться к старым воспоминаниям. Удар, не правда ли?

– Похоже на то, – сдержанно заметил Ластианакс. – Палатес любил вкусно поесть и выпить.

– Наверное, меня тоже ждет подобная участь, – вздохнул тайнограф, указывая на свой живот. – Извините, не следовало мне шутить на эту тему... Я пришел не для того, чтобы усу-

губить вашу скорбь. Дорогой Ластианакс, давайте немного поговорим о политике, – сказал он, похлопывая по скамье рядом с собой.

Обескураженный, молодой человек мгновение колебался, потом кое-как примостился на узком свободном краешке скамьи, хотя одно его бедро практически повисло в воздухе. Силен преподавал тайнографию, или магическое письмо. До сих пор их общение ограничивалось отношениями учителя с учеником. Близость Силена к василевсу делала его влиятельной фигурой. Правитель Гипербореи даже назначил профессора заместителем верховного судьи, хотя это почетное звание не накладывало никакой ответственности. Заговорив о политике, Силен мгновенно вышел за обычные рамки их общения.

– Вы были учеником министра пять лет, – начал он, – и понимаете, что некоторые дела нужно делать быстро. Члены Совета уже знают о смерти Палатеса, и каждый желает поставить свою пешку на освободившееся место министра усреднения. В кои-то веки я намерен поучаствовать в этой борьбе за лакомый кусок – простите мне это выражение. Видите ли, я еще никогда не встречал такого умного девятнадцатилетнего молодого человека, как вы, и я говорю это, не принимая во внимание ваше скромное происхождение. Кроме того, вы учились у самого Палатеса, что дает вам значительное преимущество перед любыми конкурентами. Вот почему я хочу помочь вам стать...

Силен сделал многозначительную паузу, подмигнул и торжествующе закончил:

– ...министром усреднения!

Молодой маг сразу понял, куда клонит его собеседник, но это нисколько не уменьшило его недоверия. Палатес только что скончался, сам Ластианакс все еще одет в ученическую тунику.

Ладно, положим, в мечтах он легко мог представить себя в министерском кресле, но не в столь юном возрасте и особенно не в такой день.

– Не думал, что придется так скоро вмешиваться и продвигать вас, – продолжал Силен, не давая юноше времени поразмыслить. – Было бы лучше, если бы вы успели набраться побольше опыта... Но я не вижу, кто лучше вас подходит на этот пост. Министр усреднения должен понимать, как устроена жизнь на нижних уровнях... К сожалению, почти все наши маги лишены этого знания. Вы могли бы принести много пользы на этом месте, Ластианакс.

Тайнограф закончил фразу и слегка наклонил голову, всем своим видом выражая добродушие. Ластианакс помолчал несколько мгновений, обдумывая ответ, а между тем Силен испытующе вглядывался в лицо собеседника, взгляд его быстро перебежал с одного глаза юноши на другой. Не прошло и двух часов с тех пор, как Ластианакс обнаружил тело своего наставника, а ему уже предлагают занять должность усопшего. Неприятно. С другой стороны, молодой человек прекрасно понимал, что ему, выходцу с первого уровня, подобная возможность карьерного роста могла выпасть лишь раз в жизни и второго такого предложения уже не будет. Стать министром, оказаться в центре управления городом – об этом он мечтал много лет.

– Я весьма польщен, – сказал он наконец. – Для меня будет честью... – Ластианакс заметил статую мага со светящимся шаром, – подхватить факел, выпавший из руки моего наставника. Однако, профессор, мне кажется, вы идете на огромный риск, поддерживая мою кандидатуру.

Вежливый способ поинтересоваться, что Силен ожидает получить в благодарность за свою протекцию. Каким бы бескорыстным ни выглядело предложение тайнографа, но глупцом Ластианакс не был. Силен сразу понял намек.

– Люблю помогать перспективным молодым людям, которые по своему рождению лишены возможности вырасти в семье магов. Но я был бы лицемером, если бы сказал, что мною движет лишь жажда справедливости, – тихо добавил он. – Буду с вами откровенен... Меня беспокоит отсутствие рассудительности у нашего епарха, а также его влияние на василевса.

Я чувствовал бы себя спокойнее, если бы в заседаниях Совета принимал участие надежный и разумный человек со свежим взглядом на вещи. Естественно, мне было бы интересно знать общее содержание этих обсуждений... Разумеется, о вмешательстве в политику речь не идет: Совет, как и прежде, должен оставаться полностью самостоятельным.

Ластиянакс с облегчением кивнул. Напряженные отношения между Силеном и эпархом ни для кого не были тайной. Силен постоянно искал способы уязвить своего старого противника; и, раз уж на то пошло, Ластиянакс без колебаний ему в этом поможет, тем более что он и сам недолюбливал эпарха. Довольно умеренная плата за возможность заседать в Совете министров.

– Мои шансы попасть в Совет очень малы, – заметил он. – Я только что закончил обучение, среди моих знакомых нет влиятельных магов, но мне понадобится большинство голосов Коллегии наставников, а главное, согласие василевса.

– Поддержка всегда найдется, если знаешь, где ее искать, – спокойно ответил тайнограф. – Вы уже можете рассчитывать на голоса инженера купола и главного архитектора, мы с ними хорошие друзья, я пришлю им гидротелеграмму...

Пока тайнограф перечислял своих высокопоставленных знакомых, в галерею рядом с внутренним двориком поспешно вошел какой-то человек. Ластиянакс сразу узнал эпарха: тот вечно компенсировал свой малый рост недовольной гримасой. До сих пор у молодого человека не было возможности поговорить с эпархом: глава Совета и управляющий городом был слишком занят, чтобы обращать внимание на простого ученика. Силен все еще продолжал свою речь, но Ластиянакс услышал, как эпарх ворчит сквозь зубы:

– Этот идиот Палатес... Умереть вот так, без предупреждения... Можно подумать, у меня своих забот мало...

Силен заметил, что Ластиянакс больше не слушает его, повернулся и удивленно ахнул при виде эпарха.

– Добрый день, Мезенс! – воскликнул он. – Как твоя семья? Готов ли твой сын к Атрибуции?

– Мне сейчас некогда тратить время на твое притворство, Силен. Непокойные кланы, обрушение канала на пятом уровне, гильдия караванщиков не дает мне покоя... А теперь еще нужно найти нового министра!

Ластиянакс почувствовал, как сидящий рядом с ним Силен радостно задрожал.

– Совершенно верно, Мезенс, – весело сказал тайнограф, – и я сей же час могу предложить тебе кандидата на замену.

С неожиданной для человека его комплекции ловкостью он вскочил и подошел к эпарху. Ластиянакс последовал его примеру. Глава Совета нетерпеливо притопывал ногой.

– И кто же этот кандидат, из-за которого ты заставляешь меня терять время?

– Вот он, – ответил Силен, подталкивая Ластиянакса вперед.

Эпарх рассмеялся лающим смехом.

– Ученик! Какое чувство юмора, Силен!

– Я совершенно серьезен. Ластиянакс более чем компетентен в вопросах равенства уровней, поскольку последние пять лет занимался всей документацией своего наставника. К тому же вот уже час, как он перестал быть учеником, ведь мы с профессорами присудили ему оценку одиннадцать баллов из двенадцати.

– Ха! – воскликнул Мезенс. – Одиннадцать из двенадцати. Уровень, как говорится, не тот, что прежде. В мое время редко кто удостоивался девяти баллов, но это были честно заслуженные оценки. С каждой секундой ты падаешь все ниже в моих глазах, Силен.

Тайнограф, улыбаясь, пожал плечами:

– Прошу, найди более достойного кандидата, если сможешь. Давай устрой ему проверку.

Эпарх презрительно фыркнул и повернулся к Ластианаксу. Взгляд его быстро заметался между глазами юноши, как произошло чуть ранее с Силеном. Ластианакс привык к такой реакции: радужки его глаз были разных оттенков карего.

– Сколько караванов имеют доступ к караван-сараю? – спросил эпарх. Он наконец сделал выбор, и его взгляд остановился на правом глазу юноши.

– Так нечестно, Мезенс, этот вопрос не имеет ничего общего с работой министра усреднения!

– Четыреста шестьдесят, – ответил Ластианакс.

Эпарх улыбнулся и сделал несколько шагов, презрительно поглядывая по сторонам, словно желая привлечь внимание всех окружающих к своему превосходству.

– Неверно, четыреста шестьдесят два. Вам следует больше времени посвящать учебе, молодой человек.

– Десять лет назад их действительно было четыреста шестьдесят два, – невозмутимо ответил Ластианакс, – но недалеко от Темискиры совершены нападения на два каравана. Новость пришла сегодня утром. Вы не знали? – спросил он, невинно хлопая глазами.

Эпарх поджал губы, чтобы скрыть свое недовольство, а Силен одарил юношу сияющим взглядом. Толпа любопытствующих уже почти рассеялась. Ничто не напоминало о смерти Палатеса, только цветы, примятые слугами, которые пришли забрать тело. Ластианаксу стало стыдно: он тут разыгрывает из себя дрессированного пса, лишь бы занять место своего наставника в Совете.

– Что ж, похоже, тебе удалось найти потенциального кандидата на место министра усреднения, – сказал эпарх Силену. – Но, кстати говоря, – добавил он, делая вид, словно только что вспомнил, – обидно, что его кандидатуру нельзя будет принять, даже если тебе удастся убедить Коллегию проголосовать за него.

Силен нахмурился:

– Почему это?

– Потому что у него нет ученика, – изрек эпарх с торжествующей усмешкой. – И ты не хуже меня знаешь, что кандидаты в министры должны быть наставниками.

Тайнограф усмехнулся, и его круглый живот мелко затрясся.

– Мезенс, ты так глубоко погрузился в проблемы кланов и каналов, что забыл одну маленькую деталь: Атрибуция учеников состоится через девять дней. И, кстати, твой сын в ней участвует.

Эпарх нервно дернул плечом, показывая, что спор окончен.

– Я не стану ждать девять дней, чтобы предложить василевсу достойного кандидата. Мне ведь нужно руководить Советом.

– Верно, ближайшее заседание Совета состоится на следующий день после Атрибуции, то есть через десять дней, – с улыбкой подхватил Силен. – У Ластианакса достаточно времени, чтобы найти ученика. Уверен, василевс согласится подождать несколько дней и обдумает мое предложение.

Уязвленный эпарх сделал вид, что уходит, но затем повернулся к Ластианаксу и ткнул ему пальцем в грудь:

– Напрасно вы позволяете своему бывшему профессору втягивать себя в политические интриги, молодой человек! Глядите, как бы вам крылышки не подрезали. Если возникнет малейшая загвоздка, виноваты будете вы. Ни один министр Совета не смирится с вашим появлением. Позвольте мне внести ясность: я первый буду вставлять вам палки в колеса. Ваше смехотворное честолюбие дорого вам обойдется.

С этими словами он удалился, быстро переставляя короткие ноги. Ластианакс в замешательстве смотрел вслед эпарху, гадая, не совершает ли страшную ошибку. Он пообещал себе

позже все обсудить с Палатесом, и тут же понял, что отныне это невозможно. Сидевший рядом Силен с довольным вздохом выпятил свой огромный живот.

– Ах, лучшее развлечение для меня – это возможность подразнить Мезенса. Не обращайтесь внимания на его слова, он просто завидует. Он сумел вступить в Совет лишь в возрасте сорока лет, а вам всего девятнадцать! Однако в одном он прав: вам понадобятся крепкие плечи, чтобы принять ответственность за свое новое положение. Совет – неиссякаемый источник неприятностей. Вот почему я всегда избегал назначения на министерскую должность... Кстати, скоро вы и сами станете наставником, дорогой Ластианакс. Каким вы представляете своего идеального ученика?

Ластианакс задумчиво провел пальцем по горбатой переносице – напоминание о его собственной Атрибуции. В тот день он впервые встретил Палатеса. Раньше, думая о своем будущем в качестве мага, он неизменно представлял себя поднимающимся по карьерной лестнице в одиночку. Он и представить себе не мог, что ему самому придется поддерживать ученика.

– Выдающимся, – ответил он.

Арка

– Если мы в ближайшее время не пройдем в эти проклятые ворота, мой желудок отправится в Гиперборею сам по себе.

Карапуз ответил Арке недовольным вздохом. Перед ними по заснеженной, продуваемой всеми ветрами пустоши зигзагами тянулась бесконечная вереница прибывающих. Вдали возвышалась Гиперборея, ее купол поднимался над снежной пустыней, словно гигантский золотой пузырь. Если бы Арка не умирала от голода, то могла бы любоваться городом часами. В прозрачной поверхности отражались облака, а за ней виднелось множество круглых башен, одна выше другой; вершины некоторых башен почти касались внутренней поверхности купола. Зеленые, синие, охровые, розовые – это буйство красок казалось миражом на фоне серых болот, свинцового неба и мрачных гор.

С тех пор как, следуя указаниям змея, Арка покинула ледник, она целый день шла по равнине, не отрывая глаз от города, прямо как летящая на свет бабочка. Гиперборея, город магов. Говорят, там всегда жарко, ибо царит вечное лето, а улицы вымощены золотом; настолько велико богатство этого сказочного града. Арка не знала, чем жителям не угодил простой булыжник, но она уже могла разглядеть вдалеке гиперборейцев, неторопливо занимающихся своими делами, в то время как сама она уже почти отморозила себе уши, стоя в очереди на холоде.

Гиперборейцы передвигались по соединяющим башни белокаменным акведукам, похожим на мосты; издалека люди казались крохотными, как муравьи на ветке, из-за изгиба купола их тела выглядели неестественно вытянутыми.

Очередь из приезжих выстроилась перед одним из четырех входов в цитадель – монументальными бронзовыми воротами, расположенными по центру крепостной стены. По обеим сторонам ворот возвышались фортификационные сооружения из синего эмалированного кирпича. На перемычке над воротами красовался щит, с которого на людей сверху вниз скалился грозный грифон, окруженный сложным узором из кругов и квадратов.

«Печать», – подумала Арка.

Купол стоял на земляных валах, словно изящный хрустальный шар, и казался обманчиво хрупким: теперь Арка видела, что он сделан из адаманта, прозрачного камня около десяти футов толщиной. Благодаря этой крепкой конструкции Гиперборея ни разу не подвергалась вторжению с момента своего основания. Хорошо защищенный, расположенный очень далеко на севере, переполненный магией... никогда еще город не сталкивался с врагами, равными ему по силе и способными напасть.

И Гиперборея сполна воспользовалась своим положением. Больше года Арку мотало по разным странам из-за войн, разрушивших ее дом и унесших жизни двух близких людей. Она потеряла свою опекуншу во время пожара в Аркадии, а затем лишилась подруги в ходе народных восстаний в Напоке. Попасть в город, не тронутый войной, было пределом ее мечтаний.

Арка привстала на цыпочки, пытаясь увидеть, почему стражники так долго проверяют вновь прибывших, но очередь людей, в основном горцев, ожидавших перед ней, закрывала ей обзор. Чуть дальше перед таможенным постом вытянулась длинная вереница караванов. Навьюченные товарами овцебыки лежали в снегу, пережевывая жвачку. Гиперборея не имела выхода к морю, а потому товарами ее снабжали караваны, прибывавшие из принадлежащих городу бесчисленных колоний. Помимо еды, город ежедневно переваривал колоссальное количество дерева, металлов и камней, а взамен производил оружие, всевозможную утварь и книги, которые затем перепродавались по всему миру. Эта торговая и культурная империя веками сияла на фоне соседних городов, словно яркое солнце.

Примерно через час, показавшийся Арке вечностью, девочка обнаружила, что стоит перед таможенным постом – маленьким каменным зданием, притулившимся к одной из крепостных башен. Сидевшая внутри таможенница задавала вопросы горянке, приехавшей с двумя тощими ребятишками. Через несколько минут мать вышла в слезах, хнычущие дети цеплялись за ее плащ. Арка услышала, как таможенница говорит одному из охранников:

– Эти босячки вечно пытаются давить на жалость, причитая о своих детишках. Уж я-то знаю: первое, что она сделала бы, едва войдя в город, понесла бы от первого встречного и вскоре произвела бы на свет очередной голодный рот, который не смогла бы прокормить. Нет гипервов – от ворот поворот. Следующий!

Арка вздрогнула и, в свою очередь, вошла в домик суровой таможенницы. Карапуз остался у двери. Что такое «гипер»? Гиперборейские деньги? Ей нечем заплатить за вход.

Сидевшая за столом таможенница заполняла какой-то бланк. Ее розовый скальп просвечивал из-под редких с проседью волос, а двойной подбородок нависал над меховым воротником плаща. Толстыми пальцами она ухватила штемпель в форме грифона – символ города, – аккуратно поставила печать, сложила бумагу пополам, с силой разгладила сгиб ногтем и положила бланк поверх большой стопки листов справа от себя. За спиной таможенницы стояли двое охранников, опираясь на свое оружие, длинные металлические палки зловещего вида. Стражи с глубокой скукой наблюдали, как их коллега проверяет стопку бланков и ставит сверху ящичек, полный монет, на манер пресс-папье. Наконец таможенница посмотрела на Арку. Ее взгляд быстро скользнул по потертому меховому плащу девочки, остановился на растрепанных белокурых волосах. Женщина нахмурилась, очевидно предположила, что эти светлые лохмы не мыли уже несколько месяцев.

– Что вы делаете в Гиперборее? – резко, без всяких предисловий произнесла она и положила перед собой чистый бланк.

У Арки было достаточно времени, чтобы подготовиться к этому вопросу. Уверенная в правильности своего ответа, она выпалила на одном дыхании:

– Я приехала в Гиперборею, потому что это единственный город, где по-прежнему разрешена магия, а я хотела бы жить, имея возможность использовать свои силы, не как в Напоке, где у меня...

– Так вы родом из Напоки? – перебила ее таможенница.

– Да, – соврала Арка.

– Но у вас совершенно нет напокского акцента.

Ошеломленная, Арка не знала, что сказать. Она говорила на гиперборейском, потому что на этом языке говорили амазонки. Родной народ девочки жил в тысячах лиг отсюда и не имел никакого отношения к волшебному городу, по крайней мере насколько ей было известно. Из-за плохой репутации воительниц Арка старалась не упоминать, что выросла среди них. Оказавшись в ловушке собственной лжи, она торопливо пыталась выдумать какое-то объяснение.

– Мой отец гипербореец, он научил меня своему языку. Я приехала сюда еще и потому, что хочу его найти.

Это было ложью лишь наполовину. Отец Арки действительно был гиперборейцем, но она никогда его не видела: он оставил ее мать еще до рождения дочери. Девочка намеревалась его найти.

Таможенница коротко кивнула и что-то записала на своем бланке.

– Вы упомянули магию, – сказала она. – Как бы вы оценили свой уровень?

– Ну, я могу делать довольно простые вещи, – осторожно сказала Арка. – Зажигать костры, левитировать предметы и все такое прочее...

Таможенница снова сделала несколько пометок.

– Как вы планируете зарабатывать на жизнь в Гиперборее?

И снова у Арки нашелся заранее подготовленный ответ:

– В Напоке я продавала пироги на улице и здесь буду заниматься тем же.

На самом деле она никогда в жизни не пекла пирогов и понятия не имела, как будет зарабатывать золото, но, очевидно, ее ложь прозвучала весьма правдоподобно.

Таможенница кивнула и вписала еще одну строчку в формуляр.

– Сейчас я буду задавать вам вопросы, на которые вы ответите «да» или «нет». Планируете ли вы однажды влиться в ряды преступников Гипербореи?

«Ну и какая польза от этого вопроса?» – озадаченно подумала Арка.

– Нет.

– Собираетесь ли вы посягать на чужое имущество или незаконно проникать в частные дома? – спросила таможенница, ставя галочку в анкете.

– Нет.

– Имеете ли вы намерение отравить городскую воду или разрушить одну из башен?

– Нет.

– Планируете ли вы покушение на жизнь высших сановников, начиная с василевса?

– Нет.

– Вы амазонка?

Озадаченная, Арка ответила не сразу. Она с беспокойством отметила, что этот вопрос помещен в один список с другими, как будто кровь амазонок – достаточное основание для отказа. Таможенница подняла глаза от бланка:

– Простая формальность. Отвечайте.

– Нет, я не амазонка, – сказала Арка, и это было правдой.

– Ваше имя и возраст? – спросила таможенница, сделав пометку в последнем квадратике анкеты.

– Арка, тринадцать лет, – быстро сказала девочка.

– Арка, тринадцать лет, волосы светлые, глаза серо-голубые, – подытожила таможенница, делая пометки. – В столь юном возрасте уже путешествуете в одиночку, – прокомментировала она, не отрывая глаз от документа.

Арка не знала, что сказать. Она хотела бы иметь компанию, но обстоятельства не оставили ей выбора. Мгновение таможенница сверлила девочку подозрительным, оценивающим взглядом.

– Хорошо, допустим, – проворчала она, откладывая листок. – Ваша анкета заполнена. Въезд в город будет стоить вам гипер, как вы, наверное, читали на табличке над дверью. У вас ведь есть средства, чтобы заплатить?

Арка почувствовала, как уголки ее губ ползут вниз. Денег у нее не было, и, очевидно, таможенница знала это с самого начала. Вредная тетка просто развлекалась, задавая стандартные вопросы, поманила девочку возможностью войти в город. Арка смущенно почесала затылок и пробормотала:

– Ну, как раз об этом я и хотела спросить... Скажем так, у меня возникли небольшие сложности...

Внезапно позади нее раздался громкий хлопок. Это Карапуз шумно выпустил газы и теперь убегал, пытаясь сбросить с крупа большой ком снега, упавшего с крыши таможи. Снаружи люди наблюдали за этим зрелищем, весело смеясь. Таможенница неодобрительно цокнула языком.

– Итак, какие у вас сложности? – нетерпеливо поинтересовалась она.

Арка вытащила из кармана три треугольные монеты: золотую, серебряную и медную – и показала их таможеннице.

– Я еще не знаю, какие здесь ходят деньги, поэтому не уверена, что такое гипер. Это он? – невинно спросила она, протягивая женщине большую золотую монету с вычеканенным изображением василевса.

Таможенница недоверчиво прищурилась, но монету взяла и положила на небольшие весы, дабы проверить ее подлинность.

– Верно, – признала она, кладя гипер в ящичек. – Серебряная монета – это борион, а медная монета – мелок. В одном гипере – тридцать шесть борионов, а в одном борионе – двенадцать мелков.

Она поставила штамп на анкету, сложила ее пополам, разгладив кончиком ногтя, поместила поверх стопки других бланков и придавила ящичком с деньгами.

– Вы официально допущены в черту городских стен. Начиная с сегодняшнего дня и в течение одного года, если вы нарушите закон, вам будет грозить изгнание без всякого суда. Вас могут судить только за преступление, влекущее за собой смертную казнь. Понятно?

– Да, – сказала Арка.

Она торопилась как можно скорее попасть в Гиперборею и наконец осуществить свои мечты о славной горячей еде. Девочка положила две оставшиеся монеты в карман и покинула таможенный пост. Снаружи люди все еще смеялись. Арка позвала Карапуза, и конь тут же подбежал к ней гордой рысцой, так важно взмахивая хвостом, будто это плюмаж.

– Извини, старина, – прошептала Арка, похлопывая коня по бокам. Именно она сбила снежный ком прямо на круп Карапуза. Пока таможенница и охранники отвлеклись, наблюдая за животным, три монеты из ящичка с деньгами поднялись в воздух и перелетели в карман девочки, так что никто ничего не заметил.

«Есть что-то воодушевляющее в том, чтобы войти в город за счет самого города», – думала она, победно шагая в огромные бронзовые ворота под бдительными взорами охранников.

И, главное, у нее теперь достаточно денег, чтобы купить еду.

2. Добро пожаловать в Гиперборею

Арка

Стоило Арке ступить на широкое, поросшее травой поле, отделявшее земляные валы от первых башен, на нее обрушилась изнуряющая жара. Внутри купола не веял даже малейший ветерок, и девочке казалось, будто она погрузилась в густой, теплый кисель. Арка чувствовала, что в своих мехах выделяется на фоне яркого пейзажа, как овцебыки, которых караванщики отпустили пастись на лугу. Она сняла рукавицы и плащ с капюшоном и в итоге осталась в майке, штанах из оленьей кожи и меховых сапогах.

Держа плащ под мышкой, она добралась до окраины города и стала бродить по улицам, вертя головой из стороны в сторону. Если издалека гиперборейские башни казались высокими и хрупкими, словно стебли тростника, то вблизи выглядели совершенно иначе. Прорезанные тут и там трапециевидными окнами, они возносились ввысь, точно огромные каменные исполины, связанные друг с другом водными мостами и веревками, на которых хозяйки сушили белье. На их стенах были нарисованы разноцветные геометрические фигуры и росли целые сады ароматных трав, правда, вертикально. Арка услышала, как двумя этажами выше ворчит высунувшаяся в окно женщина:

– Ах, мерзкие птицы, опять повырывали мне весь сальфион! Теперь придется пересаживать.

В тот же миг огромная стая голубей пронеслась между башнями, всколыхнув занавес из лиан, выползавших из водосбросного канала. Женщина мрачно посмотрела вслед птицам, затем вылила в окно содержимое ночного горшка – нечистоты с громким «бульк» плюхнулись в канал уровнем ниже.

Эта сцена вернула Арку к реальности: сморщив нос, она оглядывала темные близлежащие улицы, кишашие мухами. Миф о Гиперборее и ее золотых мостовых рушился на глазах. Дно города, погруженное в тень башен, оказалось ужасающе грязным: по углам громоздились кучи мусора, а по многочисленным желобкам в каналы стекала коричневатая вода. Дети собирали крупные розовые грибы, растущие на грудах отходов. Кое-где гиперборейцам приходилось разгребать мусорные насыпи, чтобы открыть двери своих домов.

Арка купила ячменя и миску овощного рагу у первого встречного уличного торговца. Теперь у нее осталось всего десять мелков. Она сидела у канала и жадно ела, а Карапуз шумно жевал свою порцию ячменя. Проглотив последний кусок, девочка облизнула пальцы, легла навзничь и с довольным вздохом погладила себя по животу. После четырех дней без единой маковой росинки во рту было очень приятно чувствовать, что желудок наконец-то полон.

Вокруг нее загудели комары. Прижавшись затылком к земле, Арка долго рассматривала залитые светом вершины башен и сверкающие отблески на прозрачном куполе. Лианы, каждая толщиной с древесный ствол, росли прямо из мостовой и оплетали башни, поднимаясь до самых вершин. Сколько же этажей в этих башнях? Тридцать? А может, сорок? Высоко вверху разноцветная роспись покрывала округлые стены сплошьяком. Каждый карниз, каждый барельеф, каждый портик были украшены красочными геометрическими узорами. Зато на нижних этажах камень башенных стен остался необработанным, почернел от клубов дыма, вырывавшихся из мастерских ремесленников, и был покрыт плесенью. Очевидно, на более высоких уровнях жили богачи. Городская вода, перекачиваемая с помощью хитроумных приспособлений, достигала вершин башен, становясь прозрачной и чистой, а потом текла по подвесным акведукам к основанию Гипербореи, где в конечном счете становилась вонючей и зеленоватой, так что в ней плавали личинки мух.

Арка приподнялась на локтях. По каналу мимо нее проплыла раздувшаяся мертвая курица. Похоже, прямо перед ней текли нечистоты целого города.

Внезапно девочка заметила огромную черепаху, груженную бочками. Потертый от времени панцирь животного, покрытый зелеными и коричневыми чешуйками, был не менее трех шагов в ширину и порос мхом. Сидящий на панцире мужчина управлял черепахой с помощью поводьев, прикрепленных к ее голове. Арка в изумлении смотрела, как странное «судно» проплывает мимо и медленно удаляется.

За первой черепахой последовали другие. Разного размера, с разноцветными панцирями, неизменно спокойные, они поднимались по каналам, нагруженные едой и людьми.

– Чего только не увидишь на свете, – сказала Арка Карапузу, который с большим интересом разглядывал водяных тяжеловозов Гипербореи.

Девочка дала себе слово, что непременно прокатится на такой черепахе, как только накопит достаточно золота, чтобы заплатить вознице, а пока что нужно найти способ заработать денег и найти отца, если он еще жив. Ах да, еще надо усовершенствовать свои магические навыки.

От жары и сытости Арку клонило в сон, но она встала, борясь с зевотой, и продолжила путь, а Карапуз трусил за ней по пятам. Девочке пришло в голову, что три ее цели вполне можно совместить. Об отце она знала немного: когда-то он жил в Напоке и был гиперборейским магом. Арка решила, что, как только она его найдет, он научит ее магии и купит ей в подарок черепаху. Идеально.

Арка так гордилась своим планом, что не замечала некоторых его недостатков: ее отец мог и не обрадоваться встрече с дочерью, если она вообще его отыщет.

Дорога вывела девочку к перекрестку заполненных черепахами каналов, в центре которого низвергался откуда-то сверху желтоватый водопад. Он брал начало на высоте около двадцати шагов над землей: струи воды лились из подвешенного акведука, который обрывался между двумя башнями, словно в свое время его не достроили до конца.

На краю акведука было установлено нечто вроде большого подъемника. Сеть, соединенная со шкивами толстыми промасленными тросами, погружалась в воду.

Подчиняясь командам возницы, одна из черепах заползла в сеть. Рабочие привели в действие шкивы, тросы натянулись, и животное поднялось вверх, разбрызгивая во все стороны воду. Лебедка наматывала тросы сама по себе, словно по волшебству, и, скорее всего, так оно и было. Арка зачарованно смотрела, как огромная черепаха, свесив плавники, взмывает в воздух рядом с водопадом. Когда животное подняли наверх, подъемник повернулся, и черепаха оказалась в подвешенном канале, вне поля зрения девочки. Через пару минут сеть появилась снова, на этот раз вниз спускали другую черепаху.

Сидя у кромки воды, Арка наблюдала, как механизм поднимает и опускает больших рептилий, а Карапуз тем временем пощипывал траву, растущую между камней у основания одной из башен. Вдруг девочка подпрыгнула от неожиданности: какой-то возница остановил своего «скакуна» прямо перед ней. Панцирь черепахи был окрашен в синий цвет.

– Хотите перейти на второй уровень?

Арка поняла, что имеет дело с кучером, промышляющим извозом.

– Что такое второй уровень?

Кучер указал на подвешенный канал:

– Это там наверху. Над вторым уровнем располагается третий, потом четвертый...

– Я ищу мага, – сказала Арка. – Где живет маги?

– Маги? Они все обитают на седьмом.

Арка запрокинула голову и посмотрела на вершины башен, теряющиеся где-то шагах в двухстах над ней. Итак, ее отец сейчас там. Прибегнув к левитации, она могла подняться над землей шага на три-четыре, и вряд ли осилила бы такой полет с помощью браслета-крыльев,

даже если делать остановки между уровнями: ей не хватало умения. Арка ощупывала монеты, лежащие на дне ее кармана. Может, она сможет позволить себе поездку на черепахе, если продаст свой меховой плащ?

– Сколько возьмете, если попрошу отвезти меня на седьмой уровень?

– За каждый проезд на подъемнике платят определенное число гипереров, каждый следующий уровень на один гипер дороже предыдущего. Подняться с первого уровня на второй стоит два гиперера, со второго на третий – три гиперера, и так далее. Так что придется сложить два, плюс три, плюс четыре, плюс пять, плюс шесть, плюс семь... Двадцать семь гипереров, во!

Арка поперхнулась:

– Сколько? Да что это за город такой? Сборище жуликов?

– Плюс два бориона за транспорт.

– Это грабеж!

Кучер усмехнулся:

– Здесь Гиперборея, а не горная деревня. При каждой смене уровня платят пошлину, таковы правила.

Арка нахмурилась, засунула руки в карманы и посмотрела вниз, на канал, по которому плыли тошнотворные на вид нечистоты и мусор. Плачевный вид улиц больше ее не удивлял: только самые богатые могли себе позволить жить на вершинах башен.

– Ну ладно, а как у вас тут можно заработать эти гипереры?

Ластиянакс

Ластиянакс устало плюхнулся на стул. Он только что в десятый раз обыскал обиталище своего бывшего наставника. Не кабинет, а склад какой-то. При жизни Палатес не был страстным поборником порядка и запрещал слугам входить в свой кабинет. По правде говоря, кроме Ластиянакса сюда вообще никого не пускали.

Молодой человек поднял голову и обвел взглядом светлую комнату, украшенную фресками и заставленную старинными сундуками, битком набитыми документами. Накануне в Колумбарии он удивился малому количеству народа, присутствовавшего на похоронах Палатеса: несколько дальних родственников, слуги да министры, которые нехотя явились отдать дань уважения своему коллеге. Выслушав приличествующие случаю банальности о величии покойного, Ластиянакс потихоньку ускользнул из некрополя.

Некоторые министры, особенно эпарх, на протяжении всей церемонии так злобно на него поглядывали, будто выдвижение его кандидатуры на место министра усреднения стало для них личным оскорблением.

Ластиянакс оглядел груды документов, которые ему в ближайшее время предстояло рассортировать. Возможно, где-то среди этих бумаг находится объяснение смерти Палатеса. Перед тайнографом юноша сделал вид, что верит, будто его наставник умер от сердечного приступа, и, возможно, это в самом деле была истинная причина смерти, однако Ластиянакс не мог не думать об убийстве. Он вспомнил, как в Магистериуме один любопытствующий из толпы прокомментировал смерть Палатеса: «Я слышал, как один слуга сказал, что Палатес подавился, когда пил...» Неужели яд?

На столе перед молодым человеком стояла на стопке пергаментов керамическая курица и насмехалась над ним. В другое время Ластиянакс без колебаний выбросил бы это уродство, но не делал этого из ностальгии: все-таки это была последняя вещица в последней коллекции Палатеса. Он взял статуэтку и рассеянно повертел в пальцах.

Внезапно раздался грохот, и юноша подпрыгнул от неожиданности. Курица выскользнула у него из рук и разбилась. Ластиянакс в бешенстве вскочил со стула и распахнул дверь кабинета. Двое старых слуг, Аус и Метанир, пытались расчистить коридор от загромождавшей его коллекции: дюжины огромных изразцовых печей, привезенных из Напоки и бесполезных в Гиперборее, поскольку под куполом отопление становилось ненужным. Одна из печей как раз упала на пол. Слуги ожесточенно бранились и не заметили присутствия Ластиянакса. Юноша вздохнул и закрыл дверь.

Несколько дней назад к нему пришел нотариус и сообщил последнюю волю Палатеса. Ластиянакс с удивлением узнал, что наставник завещал ему все свое состояние и имущество... при условии, что юноша оставит на службе двух слуг, что он и сделал. Оказывается, Палатес заботился об ученике настолько, что даже сделал своим наследником. Мысль об этом тронула Ластиянакса больше, чем он осмелился бы признать. Оглядываясь назад, Ластиянакс чувствовал себя виноватым: в прошлом он столько раз проклинал маленькие причуды старика.

Вот только одна деталь не давала ему покоя – поставленная в завещании дата. Документ был написан за день до смерти Палатеса, как будто бедняга знал, что его дни сочтены.

Ластиянакс присел на корточки и стал собирать обломки курицы. Среди осколков обожженной глины лежал небольшой листок бумаги, скатанный в трубочку. Должно быть, Палатес сунул его в отверстие в основании полой статуэтки. Заинтригованный, Ластиянакс взял листок, положил на украшенную инкрустацией столешницу и развернул. Это оказался ценник, на нем была указана баснословная сумма, которую Палатес выложил за статуэтку, а также место, где была совершена покупка: пятьдесят гиперов, первый уровень. Однако на обороте ярлычка маг нацарапал несколько слов:

*...Контрабанда... Темискира... Выгода от пожара в лесу амазонок?
...Паранойя поддерживается намеренно, но кем?..*

Чувствуя, как отчаянно колотится сердце, Ластианакс несколько раз перечитал записку. Контрабанда чего? Он понятия не имел. Однако он слышал о пожаре в лесу: кажется, это произошло двумя годами ранее. Диверсия Темискиры, совершенно бесполезная, как отметил Палатес, поскольку амазонки почти сразу восстановили контроль над этой областью. А вот паранойя... Возможно ли, что речь о постоянном страхе василевса увидеть у ворот города чужое войско?

Ластианакс взял со стола перо и окунул его в чернильницу. После минутного размышления он нарисовал рядом с записями своего наставника треугольник и написал на его вершинах: «Амазонки», «Гиперборея» и «Темискира».

Тут кто-то постучал в дверь кабинета. Ластианакс спрятал лист под книгой и пошел открывать. На пороге стоял Аус, полуглухой пожилой домоправитель. Старик частенько воровал у юноши запасы медовухи, а личную гигиену считал блажью, на которую не стоит тратить время.

– Мастер Ластианакс, прошу прощения за беспокойство, – выплюнул Аус (еще он имел обыкновение брызгать слюной во время разговора). – Не желаете ли перекусить?

Он склонил голову, ожидая ответа.

– Спасибо, я не голоден! – выкрикнул Ластианакс.

Он оставил дверь открытой и стал ждать продолжения. За пять лет Аус ни разу не пришел предложить ему перекусить. Очевидно, старик просто выдумал предлог, чтобы поговорить. Домоправитель некоторое время двигал губами, пощелкивая вставной челюстью, потом наконец добавил:

– Как печально, что мастера Палатеса настигла подобная судьба. Правда ли, что это вы его нашли?

– Да! – надсаживая горло, выкрикнул Ластианакс.

– Никогда не думал, что он покинет нас так быстро, – изрек Аус, качая головой. – Определенно, эта история со взломом сильно его взволновала.

– Взлом? – повторил Ластианакс.

– Да, это случилось почти десять дней назад... Нет, девять дней. Метанир услышала, как ночью кто-то забрался в кабинет мастера, но, когда дверь открыли, злодея уже и след простыл. По словам вашего наставника, почти ничего не украли, взяли только нескольких личных документов, но это все равно его потрясло.

– Документы? Какие документы?

– Ну, не знаю, ваш наставник этого не говорил. Метанир тоже не знает.

Ластианакс повернулся и поглядел на сундуки, переполненные бумагами. Без дополнительной информации он вряд ли мог определить, какие документы были украдены.

– А как насчет печатей обнаружения? – спросил он, вновь поворачиваясь к Аусу.

– Тати кружения? Вот не знал, что хозяин еще и такое собирал, хотя чему тут удивляться, достаточно поглядеть, сколько всего он накопил...

– Печати обнаружения! – повторил Ластианакс. – Они не сработали?

– А-а-а-а, печати обнаружения... Нет, не сработали.

Ластианакс нахмурился. Чем дальше, тем больше странностей. Никто не может пройти мимо печати обнаружения, не активировав ее. Обычно маги ставили такие печати на каждую дверь и каждое окно своего дома. Вор не мог проникнуть в кабинет незамеченным.

– Почему Палатес ничего мне не сказал?

– Что вы говорите? – прокаркал Аус, прикладывая ладонь к уху.

– Почему Палатес мне не сказал? – завопил Ластианакс.

– А-а-а, почему Палатес не рассказал вам об этом... Может, не хотел беспокоить вас перед самой защитой.

– Спасибо, – сказал Ластианакс, немного подумав. – Вы можете идти.

Он почти услышал, как старые кости слуги хрустнули, когда тот поклонился и закрыл дверь. Ластианакс подошел к окну и осмотрел печать обнаружения, выгравированную на подоконнике. Рисунок остался нетронутым. Молодой человек поднял голову и задумчиво окинул взглядом пейзаж: по небу плыли птицы-паруса. Как и любой высокопоставленный сановник Гипербореи, Палатес владел целым этажом башни на седьмом уровне. Ластианакс видел золотые купола Магистериума, в них отражалось заходящее оранжевое солнце. Менее чем через десять дней он, возможно, будет сидеть там вместе с другими министрами. Скольким девятнадцатилетним магам выпадала такая возможность? Его карьера резко пошла в гору.

Однако, если Палатеса убили, становиться его преемником весьма рискованно. Ластианакс чувствовал, что интерес его наставника к амазонкам и Темискире кому-то помешал.

Этот кто-то без колебаний устранил Палатеса, а раз так, этот загадочный «кто-то» не поморщившись убьет и Ластианакса, если он проявит такой же интерес. Пришло время все выяснить. Ластианакс сунул бумажку в карман и решительным шагом вышел из кабинета.

Эмброн и Тетос

Эмброн и Тетос умирали от скуки, это случалось с ними ежедневно. Стоя за столом Эрми, они уже несколько часов наблюдали, как таможенница наводит ужас на вновь прибывших в Гиперборею. Иногда случалось небольшое оживление, когда какой-то отчаявшийся иммигрант начинал умолять Эрми или пытался ее задушить. Тут уж охранникам приходилось вмешиваться, хотя в глубине души они и сами частенько мечтали придушить негодяйку.

Эрми так и не удосужилась узнать их имена, называя стражников просто «деревьями» или, будучи в хорошем настроении, «дубами», потому что, по ее словам, вид у них такой, словно они пустили здесь корни. Эмброна, более высокого, прозвали «большим деревом», а Тетоса, более коренастого, – «толстым деревом».

Сегодня у Эрми было превосходное настроение. За пять часов работы она успела отказать во въезде пятнадцати иммигрантам, а главное, сегодня был еще и первый день декады, а значит, сегодня явится Алькандр: он навещал таможенницу раз в десять дней. Эрми сложила заполненные бланки, выровняв их тщательнее обычного, но на этом ее кокетство не закончилось: она даже обильно накрасила веки яркими зелеными тенями. На ее похожих на сосиски пальцах поблескивали массивные кольца, довершая арсенал оболышения.

Вот только Алькандр еще не прибыл. Глядя, как лихорадочно таможенница штампует анкеты, Эмброн и Тетос чувствовали, что Эрми беспокоится.

Она даже позволила одному переселенцу заплатить положенный гипер не одной монетой, а тридцатью шестью борионами, чего в обычный день никогда бы не потерпела. Охранники подскочили, когда их начальница внезапно повернулась, ее двойной подбородок задрожал от волнения.

– Толстый дуб, скажи, который час.

Пока Тетос оглядывался в поисках клепсидры, Эрми резко добавила:

– Стойте ровно, бездельники, а то похоже, будто вы спите, опираясь на оружие.

Эмброн и Тетос немедленно выпрямились, сжимая в вытянутых руках громовые копыя, и встали по стойке «смирно», как и положено стражникам. В этот миг в дверном проеме появился высокий, атлетически сложенный человек.

– Извини, что я так припозднился, Эрми, меня задержали.

Таможенница обернулась и просияла:

– Алькандр!

Мужчина вошел в комнату, улыбаясь уголкем рта, провел рукой по коротким черным волосам, стряхивая снежинки. Алькандру было чуть за тридцать, и выглядел он как моряк, вернувшийся из дальнего плавания: загорелое лицо, короткая борода. Эмброн и Тетос не знали, действительно ли он моряк, и не понимали, почему Эрми изо всех сил старается ему помочь, хотя, по всей видимости, тут сыграла свою роль его ладная фигура.

Таможенница пригладила сальные волосы, сделав вид, что смотрит на водяные часы.

– Ой, какой сюрприз, ты уже здесь! Я и не заметила, как быстро время прошло!

Эрми озорно подмигнула Алькандру:

– У меня для тебя хорошая новость.

Все так же обаятельно улыбаясь, Алькандр снял меховой плащ и повесил его на копые, которое держал Тетос. Он присел на край стола Эрми, выудил конфету из коробки, которую таможенница всегда держала под рукой (и к которой ни Эмброн, ни Тетос никогда не осмеливались притрагиваться), и объявил, перекатывая конфету во рту:

– Я весь в твоём распоряжении, Эрми. Рассказывай.

Он сидел так близко к таможеннице, что она, казалось, забыла про свою хорошую новость. Приоткрыв рот, Эрми томно смотрела в небесно-голубые глаза своего собеседника.

Эмброн и Тетос переступили с ноги на ногу и разом кашлянули. Ситуация становилась неловой.

Наконец таможенница немного пришла в себя и справилась с разыгравшимися фантазиями. Ее накрашенные веки затрепетали. С торжествующим видом она достала из ящика заполненный бланк и прочла вслух:

– Арка, тринадцать лет, светлые волосы, из Напоки.

В глазах Алькандра промелькнул холодный блеск. Вот уже два месяца Эмброн и Тетос каждые десять дней видели, как он приходит к таможеннице и спрашивает Эрми, не впускала ли она в город девочку-блондинку из Напоки. Якобы это его племянница, которая некоторое время назад сбежала из этого города, и с тех пор вся родня пытается отыскать малышку.

– Значит, ей удалось пересечь Рифейские горы, – заметил Алькандр. – Она выглядела здоровой?

– Худенькая и уставшая, но в целом в хорошем состоянии. Я не знала наверняка, твоя ли это племянница, поэтому не сказала ей о тебе. Надеюсь, ты на меня не в обиде.

– Нет-нет, как я могу тебя винить? – сказал Алькандр, похлопывая таможенницу по руке. – В любом случае теперь, когда она прибыла в Гиперборею, я быстро ее отыщу.

– У вас такая интересная семья, – жеманно проворковала Эрми.

Алькандр улыбнулся:

– Ты даже не представляешь насколько.

В этот миг на улице раздались громкие голоса. Эрми вздохнула и резко повернулась к двум охранникам, так что стул жалобно заскрипел под ее весом.

– Эй, дубы, гляньте в окно и скажите, что происходит.

Эмброн и Тетос повиновались.

– Это та мать, у которой двое тощих ребятишек, – ответил Тетос. – Попыталась войти, не заплатив.

– Опять она!

– Я могу избавить тебя от этой проблемы, Эрми, – сказал Алькандр.

Он встал, снял свой плащ с копья Тетоса, мимоходом похлопав охранника по плечу, вынул из кармана три золотые треугольные монеты и бросил их в ящичек таможенницы, где они приземлились с приятным звоном.

– Три гипер за мать и двоих детей, – сказал он. При виде его щедрости влюбленные глаза толстой таможенницы загорелись жадным блеском. – Эта семья больше тебя не побеспокоит, Эрми. Прими это как подарок в благодарность за помощь, – добавил он, натягивая плащ.

– Ты уже уходишь? – протянула Эрми, не сумев скрыть разочарования. – Теперь, когда ты знаешь, что твоя племянница приехала, ты ведь все равно будешь ко мне заходить, да?

Алькандр засмеялся и нежно поцеловал таможенницу в лоб.

– Ну конечно, а как же иначе! В следующий раз я вернусь только ради тебя.

Эмброн и Тетос наблюдали, как их коллега с широкой улыбкой глядит вслед уходящему Алькандру, тот насвистывал какой-то веселый мотивчик.

Разумеется, он так и не вернулся.

Ластианакс

Ластианакс показал свое кольцо-печатку рабочему, взимавшему плату за проезд, и в шестой раз за сегодня испытал огромное удовлетворение, видя, как тот кивает и приводит в действие подъемник.

Пока они ехали вниз, к каналу первого уровня, Ластианакс раздумывал, не пора ли помирился с отцом. В конце концов, он все же завершил обучение, тем самым доказав, что его честолюбие, из-за которого они в свое время разругались, не было пустым звуком. Затем он вспомнил, с каким выражением лица взирал на него отец во время их последней встречи, и мысль о возможном примирении исчезла из его головы так же быстро, как и возникла.

Как всегда при спуске на первый уровень, Ластианакс поразился прогорклому запаху грязных улиц. Неужели когда-то он мог здесь жить? Пейзаж настолько отличался от того, к чему он привык за последние годы, что юноше казалось, будто он попал в другой город. В своей пурпурной тоге и с кольцом-печаткой на пальце он больше не сливался с толпой, как в старые времена, и нельзя сказать, что это его огорчало.

– Бальзамировщик западного квартала, верно? – спросил его кучер, оборачиваясь.

Ластианакс кивнул. Стоявшие на берегах каналов люди провожали его глазами. Когда черепаха проходила под мостом, он слышал бормотание какого-то бродяги:

– Еще один проклятый маг. Они выливают нам на головы свои помои, а мы еще и пошлину им платим.

Ластианакс почувствовал, что краснеет, и изо всех сил постарался сохранить невозмутимый вид. Внезапно ему показалось, что он не имеет права на привилегии, которым так радовался всего минуту назад. Он вспомнил, как в детстве испытывал негодование при виде породистой черепахи, вроде той, на которой путешествовал сегодня, вспомнил, как страстно захотел получить право кататься на таких дорогах рептилиях.

По сути он мало чем отличался от обитателей первого уровня. Единственное, что их разделяло, это амбиции. Люди первого уровня довольствовались тем, что вскидывали кулаки к небу да проклинали жизнь за то, что волею судеб родились в такой клоаке. В отличие от них Ластианакс сам стал творцом своей судьбы.

Тем не менее он дал себе слово, что вынесет вопрос привилегий на обсуждение Совета, если, конечно, ему удастся стать министром усреднения. Ради этой цели и придумали эту должность – удовлетворять претензии нижних уровней, требующих равенства.

Тут молодого человека резко вывели из задумчивости: прямо им навстречу неслась черепаха с кричащим позолоченным панцирем. Кучер свернул в другой канал, чтобы избежать столкновения. Животное пронеслось мимо, и Ластианакс успел разглядеть прядь светлых волос. Мгновение спустя следом за первой черепахой промчалась вторая, не такая сияющая. На ее панцире сидели женщина и трое здоровенных мужиков; они ожесточенно вырывали друг у друга поводья, очевидно каждый хотел править сам.

– ТУДА, МАМА! Она поворачивает! – завопил один из здоровяков.

Они свернули в боковой канал, а Ластианакс с кучером обменялись озадаченными взглядами.

– Это наверняка разборки кланов, – заметил возница, пожимая плечами. – Ну, все, приехали.

Черепаха остановилась перед зловещего вида башней, стена которой прилегала вплотную к каналу. В стене темнел высокий проем, а над ним на цепи висел череп, очевидно, заменявший вывеску. Череп скалился безумной улыбкой, свойственной всем черепахам. Несколько ступеней вели к выкрашенной в черный цвет двери бальзамировщика. Ластианакс встал, подхватил полы своей тоги и взбежал по скользким ступеням.

– Прогуляйтесь немного и подождите меня, – велел он кучеру, – надолго я здесь не задержусь.

Чувствуя себя не в своей тарелке, юноша толкнул дверь, к которой в качестве молотка была прикреплена бедренная человеческая кость. Темный коридор встретил посетителя отвратительным запахом, полностью перекрывавшим вонь первого уровня, – смесь гниющей плоти, ароматных бальзамов и рассола.

Ластиянакс дошел до конца коридора и шагнул в большое помещение, освещенное единственной масляной лампой. В комнате скелетоподобный человек сутился вокруг четырех столов, на которых лежали трупы. Из-за близости канала на стены заползала плесень, а многочисленные этажерки ломились под тяжестью банок, заполненных какой-то гадостью. Бальзамировщик обернулся. Лицо у него было такое изможденное, что выглядел он хуже покойников, которыми в данный момент занимался. Казалось, его выпученные глаза того и гляди выскочат из орбит.

– А-а-а, живой клиент! – воскликнул он с улыбкой, которой позавидовала бы его «вывеска». – Да еще и маг, – добавил он, указывая на пурпурную тогу посетителя. – Желаете снять мерки для своего гроба? Какую древесину предпочитаете?

Он прищурился, вытянул перед собой тонкие руки, оттопырив большие пальцы, и поглядел на Ластиянакса так, словно пытался оценить его рост.

– Сосна, дуб, вяз, бук? В наши дни очень моден платан, но его я не рекомендую, он имеет тенденцию пропускать выделения организ...

– Я пришел не для того, чтобы снимать мерки для гроба, – прервал его Ластиянакс, прилагая большие усилия, чтобы не расстаться с содержимым своего желудка и не смотреть на трупы. – Меня зовут Ластиянакс, и я хочу задать вам несколько вопросов об одном из ваших недавних... э-э-э... клиентов.

Бальзамировщик разочарованно вздохнул и повернулся к своим покойникам.

– Жаль, жаль. С вашей худосочной фигурой я мог бы сделать вам конический гроб, вы весьма эффектно смотрелись бы во время похорон, – заметил он, роясь во внутренностях одного из своих клиентов.

«У меня худосочная фигура?» – с тревогой подумал Ластиянакс. Конечно, последние несколько месяцев он много лежал и не был таким мускулистым, как Родоп, но вряд ли все настолько плохо. Возможно, ему стоит подумать о том, чтобы начать делать упражнения теперь, когда его защита позади...

Ластиянакс взял себя в руки. Он пришел не для того, чтобы обсуждать свою физическую форму.

– Клиент, о котором идет речь, был довольно полным магом лет пятидесяти с небольшим.

– А-а-а! – воскликнул бальзамировщик, выпрямляясь. Ластиянакс увидел, что хозяин лавки держит в руках кусок кишечника. – Да, я сразу догадался. Дивный гроб, шириной в три локтя, из черного клена, не так ли?

– Верно, – подтвердил Ластиянакс. – Превосходная работа. Когда вы имели дело с этим... клиентом, вы смогли определить причину смерти?

– Гм, – задумчиво произнес бальзамировщик и почесал подбородок, не выпуская из рук кишечник. – Припоминаю, что видел... Ну-ка, подождите, я проверю.

Он пересек комнату, таща за собой длинный шнур синюшных внутренностей. Ластиянакс почувствовал, что его шатает, и уперся пятками в пол, пытаясь думать о чем-нибудь хорошем, например о духах Пирры. В другом конце морга бальзамировщик наконец выпустил кишечник и принялся рыться в большом сундуке.

– Вам повезло, я всегда храню внутренности еще несколько дней после похорон, – объяснил он, ныряя в сундук с головой. – Иногда родственники усопшего просят у меня их на

память. Буквально вчера приходила одна семья забрать урну деда. Хотели украсить ею гостиную...

Он достал из сундука большую черную урну с этикеткой и торжественно воскликнул:
– Вот! Мозг, печень, почки и сердце Палатеса, министра усреднения.

Бальзамировщик открыл крышку и погрузил руку в урну. Ластианакс поспешно отвернулся, сожалея, что не может заткнуть уши. До него доносились липкое чавканье и сочные шлепки. На полке прямо перед ним стояли промаркированные прозрачные банки: «деформированный зародыш», «селезенка», «образец лемура № 3»... Ластианакс закрыл глаза и изо всех сил постарался вспомнить аромат духов Пирры.

Кажется, главная составляющая этого запаха – волшебный корень. Острый, стойкий, решительный аромат, но была в нем и второстепенная, более сладкая нота, возможно жасмин...

Бальзамировщик повысил голос:

– Я не целитель, но в силу своей профессии стал достаточно опытным и могу угадать, что именно довело моих клиентов до необходимости воспользоваться моими услугами. В случае с этим, я полагаю, смерть наступила из-за... Хм, да, действительно, он довольно бледный, все это... внезапная почечная недостаточность. И, без сомнения, несколько других осложнений помельче.

Ластианакс приоткрыл один глаз и увидел, как бальзамировщик копается во внутренностях его бывшего наставника, лежащих в урне.

– Может быть, желаете сохранить память о своем собрате-маге? – спросил он и встряхнул урну, улыбаясь на манер ярмарочного зазывалы.

Ластианакс на мгновение представил, как объясняет гостям, что именно находится в вазе, стоящей в его гостиной.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь, – вывернулся он. – Значит, почечная недостаточность? И что же, по вашему мнению, могло ее вызвать?

– Много чего, – ответил бальзамировщик, убирая урну обратно в сундук.

Он поднял лежащий на полу кишечник, положил на живот его покойного владельца и принялся перечислять:

– Сильный шок, инфекция, проблема с сердцем, интоксикация...

– Интоксикация? – подхватил Ластианакс. – Возможно ли, что его отравили?

Бальзамировщик схватил нож и таз, потом поглядел на молодого человека с внезапным интересом.

– Хо-хо, – радостно воскликнул он, – неужто какая-то добрая душа пытается пополнить мою клиентуру обитателями седьмого уровня? Все это замечательно, просто замечательно, маги всегда платят за красивое бальзамирование.

Энергично взмахнув рукой, он надрезал кишечник покойника, и ужасный запах распространился по и так уже заполненной смрадом комнате. Ластианакс зажал нос пальцами и изо всех сил пытался удержаться в вертикальном положении.

– Да, это вполне могло быть отравление, – задумчиво проговорил бальзамировщик, держа сочащийся слизью ком над тазом. – Без сомнения, в наши дни в моде смесь болиголова, красавки и сока синего лотоса. Жертва засыпает и через несколько минут умирает, очень мирный конец.

Он описывал действие яда любовно, как опытный торговец, расхваливающий достоинства товара.

– Благодарю за подробные сведения, – произнес Ластианакс со слезами на глазах. – Что ж, ваша помощь была очень... ценной. Желаю вам хорошего дня.

Он подошел к двери, открыл ее, и ему в лицо хлынул свежий воздух. Никогда еще Ластианакс так не наслаждался запахом первого уровня.

– Надеюсь вскоре вас увидеть! – крикнул бальзамировщик ему вслед.

«Чем позже, тем лучше», – подумал Ластианакс, от души хлопая дверью. Он спустился по трем ступенькам, отделявшим его от воды, и глубоко вздохнул, пытаясь забыть то, что только что видел и чувствовал. По сравнению с этим висящий на цепи череп вдруг показался не таким уж и зловещим.

По крайней мере, визит к бальзамировщику предпринят не зря: теперь молодой человек был вполне уверен, что Палатеса отравили, а дело замяли. Кроме того, кто-то украл из его кабинета некие компрометирующие документы. Кто же стоит за убийством и кражей?

Через несколько секунд вернулась его черепаха и повезла юношу обратно на седьмой уровень. Мимо проплывали берега каналов, а Ластианакс снова размышлял, почему убили его наставника. Его тревожила мысль о том, что кто-то в Гиперборее достаточно силен, чтобы покуситься на жизнь одного из магов Совета. Что же такого ужасного мог обнаружить Палатес?

Пожалуй, наставник был вовсе не так беспечен, как думал юноша. Возможно, он оставил Ластианакса в неведении, чтобы защитить.

Арка

Иногда Арка гадала, в каком таком загадочном месте пропадает ее критический ум, когда ей в голову приходит дурацкая идея и она бросается воплощать эту идею в жизнь.

Девочка довольно быстро сообразила, что найти отца будет совсем не так просто, как она надеялась. Бедность приковывала ее к первому уровню, который маги никогда не посещали. Чтобы исправить это положение, нужно заработать гиперы, а для этого надо найти работу.

Увы, на дне города работы было мало, и она плохо оплачивалась. Свой первый день в Гиперборее Арка провела, блуждая от башни к башне, осматривая мастерские, рынки и лавки, ошеломленная своим путешествием и этим шумным городом, который она не понимала. Станный вид девочки пугал торговцев, и они отказывались нанять ее на службу: они игнорировали ее либо выгоняли взащей. Когда день подошел к концу, у Арки не было ни работы, ни места для сна, ни сил искать первое и второе.

Последний человек, к которому она обратилась с просьбой о работе, возчик, посмотрел на Карапуза (конь повсюду следовал за хозяйкой) и посоветовал ей пойти в конюшни: приближается Состязание василевса. Наверняка конюхам нужна рабочая сила для организации мероприятия, и, поскольку Арка, по-видимому, много знает о лошадях, возможно, у нее есть шанс обрести там желаемое.

– Что такое Состязание василевса?

– Самые большие скачки года, каждый уровень выставляет свою лошадь – необыкновенное зрелище! Бесплатный совет: ставь на первый, второй или седьмой уровни, а на остальные даже не думай: проиграешь.

– Почему?

– Потому что на нижних уровнях есть воровской мир, который все это дело финансирует, на седьмом уровне есть маги, и они тоже дают деньги, а между вторым и седьмым уровнями хороших лошадей нет!

Арка поблагодарила возчика и, последовав его совету, добралась до конюшен, длинных каменных зданий, выстроившихся в ряд на окраине города, перед лугом, отделявшим башни от земляных валов. В загонах жеребята резвились вокруг кобыл, а те помахивали хвостами, отгоняя мух. Вдоль городской стены, служившей основанием купола, тянулась широкая песчаная дорожка. Всадники, воспользовавшись вечерней прохладой, выезжали здесь своих лошадей.

Арка позволила Карапузу пастись на краю поля и вошла в одно из строений. В нос ей ударил запах навоза и раздраженных конюхов: работники конюшен, торопясь закончить трудовой день, бегали по проходам между стойлами, насыпали в кормушки ячмень, бросали сено в загон, торопились вымести сор и вынести навоз. На девочку никто не обращал внимания. Во всей этой суете Арка почувствовала, что слишком устала, чтобы привлекать к себе внимание. Наступала ночь, в столь поздний час никто ее не наймет. Когда последние служащие вышли из конюшни, она забралась в угол и как подкошенная рухнула на кучу сена.

На следующее утро девочка проснулась вся искушенная блохами, зато с ясной головой. При нищенской оплате труда первого уровня потребуются месяцы, чтобы накопить двадцать семь гиперов, поэтому необходимо придумать другой план, который позволит Арке добраться до вершины города бесплатно.

Она выскользнула из конюшни, взглянула на Карапуза (конь ответил хозяйке сытым, сонным взглядом) и быстро зашагала в тени башен, обдумывая кое-какие идеи.

Первый ее план оказался не блестящим: дождавшись, когда торговец рыбой отвлечется, девочка спряталась в одной из бочек с треской, которую торговец собирался доставить на второй уровень. Свернувшись в клубок в липкой рыбе, Арка чувствовала, как ее везут на черепахе и как шлепают по воде плавники животного. Когда продавец подошел к подъемнику, рабочий

объявил, что собирается проверить ввозимый товар. От этих слов сердце Арки ушло в пятки. Она выскочила из бочки, прыгнула на берег канала и быстро убежала, распространяя вокруг себя острый запах рыбы.

Вторая попытка тоже вышла так себе: Арка предприняла восхождение на башню, дабы достичь второго уровня лишь силой своих рук. Какая-то домохозяйка, привлеченная душком несвежей рыбы, высунула голову в окно и обнаружила, что девочка карабкается по стене, как грабительница. Арке пришлось спуститься, чтобы избежать пощечин, оскорблений и содержимого ночного горшка, выплеснутого ей на голову.

Теперь она воплощала в жизнь третью идею. Дня, проведенного в Гиперборее, девочке хватило, чтобы понять могущество преступного мира: головорезы среди бела дня требовали у торговцев выплату дани, проворачивали всевозможные темные делишки и важно разъезжали на больших черепахах с блестящими панцирями. Поскольку рабочие никогда не осмеливались спрашивать плату с владельцев таких животных, Арка решила, что достаточно украсть одну разукрашенную рептилию и верхом на ней бесплатно перейти на седьмой уровень. Итак, она нацелилась на золотую черепаху, перевозившую трех бандитов зверского вида, которых словно отлили из одной и той же грубой формы. Она последовала за ними, держась на почтительном расстоянии, увидела, как тройняшки причаливают, заходят в таверну промочить горло, и тут же прыгнула на панцирь зверя.

Усевшись верхом на золотую черепаху, девочка повернула голову и заметила владельцев рептилии: перебрасываясь шуточками, тройняшки садились за столик в нескольких шагах от окна таверны. Арка вдруг осознала всю опасность своего положения.

– Ну, вряд ли это намного труднее, чем править конем, – пробормотала она, хватая поводья.

Золотая черепаха немедленно взвыла и с оглушительным лязгом ударилась о край канала. Из таверны донесся скрежет отодвигаемых стульев, а Арка изо всех сил пыталась освоить новый способ передвижения. Ей уже удалось увести животное с пристани, когда дверь таверны распахнулась и на причал выскочили трое законных владельцев.

– Но... – протянул один.

– Какого... – начал было второй.

– Мама! Какая-то девчонка угоняет нашу черепаху! – завопил третий, оборачиваясь к таверне.

Арка наконец поняла, как заставить черепаху двигаться вперед: она взмахнула поводьями, и похищаемая черепаха послушно вошла в канал. Правда, она тут же врезалась в мост, и на панцирь дождем посыпались куски известки. Позади бандиты продолжали обсуждать происходящее:

– Надо ее остановить, она же ее убьет...

– Так возьмите еще одну черепаху, идиоты!

Арка зигзагом удалялась от таверны, и голоса спорщиков звучали все тише. Кто бы мог подумать, что править черепахой окажется так трудно: животное реагировало на движения поводьев совершенно непредсказуемо. Несколько раз Арка врезалась в другие лодки, так что на позолоченном панцире черепахи осталось несколько вмятин, но наконец почувствовала, что у нее начинает получаться. Собравшиеся на пирсах зеваки с изумлением указывали на маленькую девочку, управляющую роскошной черепахой. Арка щелкнула языком, прибавила ходу и обогнала три лодки, так что те закачались на поднятой черепахой волне. Когда она уже думала, что дело в шляпе, раздался возглас:

– ТУДА! Живее, мама, она сейчас сбежит!

Арка рискнула оглянуться. Шагах в пятидесяти от нее бандиты, указывая пальцами на беглянку, забирались на старую потрепанную черепаху, которой правила пышнотелая матрона, очевидно мать тройняшек. Она угнездилась на панцире, точно старая сова, готовая взлететь.

Арка снова подхлестнула свою рептилию, и теперь та двигалась со скоростью лошади, пустившейся неспешной рысью. По пути она чуть не задела синюю черепаху, на которой сидели кучер и пассажир, одетый в пурпурную тогу. Последовавшие затем удары «бум!», «бах!», а также рассерженный крик: «Моя лодка! Чтоб вас, горе-возницы!» – подсказали девочке, что преследователи нагоняют. Бандиты были уже в нескольких футах от нее, но в последний момент Арка свернула в соседний канал, так что ее черепаха едва не опрокинулась. Бандиты гнались за ней по пятам:

– ТУДА, МАМА! Она поворачивает!

Арка услышала, как тройняшки сворачивают следом за ней. Прямо перед ней вырос низкий мост, пересекающий канал. Девочка прижалась к панцирю своей черепахи и почувствовала, как ее спина задевает нижнюю часть мостика. Спустя несколько мгновений ее преследователи также прошли под мостом. Последовало громкое «ба-бах!», а потом шумное «бульк!».

– Мама, Ари свалился в воду, он не умеет плавать...

– Тем хуже! Сыновей у меня трое, а черепаха с панцирем из чистого золота всего одна!

«Из чистого золота?» – мысленно повторила Арка. Вот почему животное никак не набирало скорость. Она едва избежала столкновения с торчащим из воды столбом. Позади нее семейка бандитов продолжала переговариваться:

– Альси, должна же от тебя быть какая-то польза! Займи мое место.

– Зачем, мама?

– Ха-ха, у меня есть идея! Никуда не сворачивай, Альси.

Это не сулило ничего хорошего. Арка обернулась. Мамаша поднялась на ноги, сунула руку за ворот блузы и, злобно ухмыляясь, вытащила из-за пазухи какую-то сферу размером с дыню. Арка сглотнула, увидев, как матрона размахивает руками, а шар сверкает в ее ладони. Затем тетка метнула снаряд, и он взорвался у девочки за спиной.

Из сферы вырвался какой-то фиолетовый туман, и на Арку мгновенно навалилась сонливость. Она отпустила поводья и почувствовала, что соскальзывает с панциря...

В следующую секунду грянуло оглушительное «БДЫЩ!», вырвав девочку из оцепенения. Она выпрямилась. Золотая черепаха по-прежнему плыла вперед. Арка поспешно схватила поводья и оглянулась. Фиолетовый дым наконец рассеялся, и девочка снова увидела преследователей. Их черепаха зигзагами отползала от покосившегося столба и ошалело мотала головой.

– АЛЬСИ! Почему ты врзался в столб? – рявкнула мамаша, отвешивая сыночку оплеуху.

– Ты же сказала никуда не сворачивать... – простонал Альси, прикрывая голову ручищами.

Арка рассмеялась. Со слезами на глазах она снова повернулась вперед и увидела глухую стену.

Канал заканчивался тупиком.

Преследователи перекрывали ей путь к отступлению, и Арка поняла, что ее план провалился. Она оттолкнулась от панциря и прыгнула на берег, бросив черепаху, а вместе с ней и надежду бесплатно подняться на седьмой уровень. Уже убегая по улице, она услышала крик матери тройняшек:

– МОЯ ЧЕРЕПАХА! АХ ТЫ ДРЯНЬ! Беги быстрее, девчонка, потому что, если я тебя поймаю, клянусь, ты мне дорого за это заплатишь!

Арка убежала, обдумывая слова матроны. До сих пор она пыталась добраться до седьмого уровня, не внося положенной платы в гиперрах. Может, зайти с другой стороны и все-таки найти много гиперров, чтобы оплатить таможенный сбор?

Вернувшись к конюшням, девочка остановилась перед полем и какое-то время наблюдала за скачущими лошадьми, захваченная новой идеей. Все это время решение было у нее под носом, а она его не замечала.

Лофадь

Заходящее за куполом солнце раскрасило небо яркими красками, щебетали птицы-паруса, в воздухе витал сладковатый запах лошадиного навоза. Казалось бы, само мироздание старается улучшить настроение Лофады, и все же в данную минуту он был не в духе, даже злился. Он стоял на беговой дорожке, в тени, отбрасываемой городскими крепостными валами, и уже в десятый раз пытался втолковать своему наезднику, почему во время состязаний тот не должен скакать слишком быстро.

С тех пор как двадцать лет назад Лофадь стал тренером четвертого уровня, его преследовали неудачи. Его лошади приходили последними или предпоследними, если им вообще удавалось завершить забег. Лишь его навыки ухода за животными позволяли Лофадю сохранять свое место на протяжении двух десятилетий. Он помогал появиться на свет великолепным жеребяткам, которых потом продавал, сводя таким образом концы с концами. Если же он решал оставить какую-то лошадь, чтобы тренировать для скачек, неблагодарная скотина ждала до самого дня состязаний и в последнюю минуту подворачивала ногу или вдруг показывала норы и принималась плестись нога за ногу. С годами плачевные показатели Лофады стали притчей во языцех в среде коневодов. Некоторые меткие шуточки даже перешли в повседневную речь: «Быстрый, как Лофадь» или «Будешь так ползти, тебя и Лофадь обгонит».

В довершение всех бед Лофадь был лысым, хромым и, самое ужасное, шепелявил – эти три изъяна делали его постоянной мишенью для насмешек. Он говорил пришепечывая, и в его собственных конюшнях над ним открыто издевались все кому не лень. На тренировках молодые наездники покатывались со смеху, когда Лофадь орал на них: «Да подхлестни немного свою плотьклятую кляфу, ты, недоумок!» Прозвище Лофадь появилось из-за его неспособности четко произнести слово «лошадь». С тех пор он старался не употреблять это злосчастное слово, а вместо него использовал всевозможные жаргонные словечки: коняга, кляча, бурка, одер, савраска – говоря о животных, которым посвятил всю свою жизнь.

Итак, дожив до пятидесяти лет и добившись незавидного статуса всеобщего посмешища, тренер решил уйти на покой. Состязание василевса через три дня ознаменовало бы конец его карьеры. И, чтобы уйти из профессии с полными карманами, что само по себе большая редкость среди тренеров и наездников, Лофадь планировал поставить все свои сбережения на то, что его лошадь придет последней.

Разумеется, он сильно рисковал, жульничая таким образом, а из-за его репутации неудачника плату обещали не бог весть какую. Однако он долгие годы тренировал лошадей четвертого уровня и теперь рассчитывал сорвать пусть небольшой, но все же куш: в конце концов, неужели ему не полагается хоть какая-то компенсация за впустую растрченную жизнь? Если, конечно, до начала гонки его наездник сумеет понять, почему не следует скакать слишком быстро.

Лофадь вытер блестящий от пота череп рукавом и огляделся, дабы убедиться, что никто не подслушивает. На беговой дорожке вдоль крепостных валов Гипербореи несколько ребят из конюшни выезжали лошадей, но они были слишком далеко и не могли слышать их разговор. Лофадь заметил Адаманта, крупного серого скакуна первого уровня, на котором ездил Калиос, самый злобный наездник в городе и многократный призер соревнований. Эта пара была фаворитом.

– Ну, Филиппиф, послуфай, послуфай меня внимафельно. Я ведь фсе тебе объафнил, не так ли? Фы долфен посталаться и плоиглать этот забег. Понимаеф, фто я хофу тебе сказафь? Если плидефь пофледним, обеффаю, я отдам тебе дефятую чафть своего выиглыфа.

Упомянутый Филиппид был, что называется, горячая голова. Как и все молодые наездники, он мечтал выиграть Состязание василевса. В свое время Лофадь также лелеял эту надежду: получить одобрение всего города, снискать бессмертную славу, став одним из чем-

пионов Гипербореи... Но после рокового падения, в результате которого он охромел, Лофадь отказался от мысли самостоятельно подняться на вершину.

Филиппид упрямо набычился и крепче сжал поводья Трофея, молодого запаленного коня-трехлетки, которого Лофадь по глупости отобрал для скачек, вместо того чтобы оставить себе Адаманта. Тренеру уже начинало казаться, что он совершил еще одну ошибку, выбрав неопытного наездника. Предыдущий был куда сговорчивее.

– Да я выиграю эти состязания! – горячился Филиппид, взмахивая поводьями. – Я тренируюсь уже много месяцев, и даже Калиос говорил, что потрясен моей манерой езды... Разве это не доказывает, что у меня есть шансы?

При виде столь откровенной глупости своего наездника Лофадь вздохнул. Калиос развлекался, забивая голову наивного юнца мечтами о величии. Возможно, следовало подбодрить Филиппида и пустить его, как стрелу, в надежде, что Трофей быстро выдохнется, однако преисполнившийся ощущением собственной значимости мальчишка рисковал упасть, если его вытолкнут из седла другие наездники, и потерять контроль над своим скакуном. В конце концов, на состязаниях василевса лошади, оставшиеся без всадника, не выбывали из соревнования, если все же добежали до финиша. С его невезением конь Лофады вполне может и первым прийти, и тогда прощайте, денежки.

Солнце садилось, и тени от крепостных валов становились все длиннее, наползали на охристую почву уже опустевшей беговой дорожки. Лофадь на мгновение подумал, что вскоре здесь зазвучат радостные крики толпы. Филиппид все бубнил и бубнил, и тренер вздохнул:

– Холофо, Фил, отведи Тлофея в конюфню. Завтра поговорим.

Филиппид неохотно подчинился, а Лофадь, тяжело приволакивая покалеченную ногу, добрал до протянувшегося вдоль беговой дорожки ограждения и оперся на него. Он смотрел, как в небе одна за другой загораются первые звезды, искривленные куполом. Как и многие гиперборейцы, он верил, что звезды влияют на жизнь людей. Иногда он задавался вопросом, какое созвездие так упорно отравляет ему жизнь. Целый городской уровень рассчитывает, что он победит на скачках, совершит невозможное, но у него нет подходящего всадника. Как же хочется поймать удачу за хвост хотя бы раз в жизни!

– Это вы Лофадь, тренер четвертого уровня?

Упомянутый тренер подскочил от неожиданности и поспешно отвел глаза от вечернего неба. Перед ним стояла девочка лет двенадцати и внимательно смотрела на него голубыми глазами, казавшимися еще больше в свете заходящего солнца. Лофадь так глубоко погрузился в свои невеселые мысли, что даже не услышал, как она подошла, хотя следом за девчонкой тяжело топал невысокий конь. Малышка была худая как щепка, одета в здоровенные меховые сапоги и тунику неопределенного цвета. Светло-русые волосы все в колтунах, несколько спутанных прядей обрамляют узкое лицо, усеянное веснушками. От девочки плохо пахло. Лофадь не мог взять в толк, что ей от него нужно.

– Да, эфо я, – прогнусавил он.

И, повинувшись многолетнему рефлексу, оглядел скакуна незнакомки. Короткие кривые ноги, вогнутая спина, огромная голова – облагороженный пони, которого, скорее всего, запрягали в повозку.

– Чефо тефе надо?

– Хочу выиграть Состязание василевса, – бойко ответила девочка.

– А я хофу жить на седьмом уловне, – насмешливо ответил Лофадь. – Иди-ка отфюда, фмакодяфка.

– Мне сказали, что вы никогда не побеждали, – настаивала негодница. – Неужели не хотите это изменить?

Лофадь почувствовал, что закипает от злости. Он отлепился от ограждения и гневно уставился на девчонку, надеясь, что этого хватит для устрашения.

– Да ты фто? Лассчитыфаефь наняться на лабофу? Блось! Никто не пофтавит деффенку на Состязание вафилефса, да еффе и за тли дня до скафек.

Пигалица скрестила руки на груди, не сводя с Лофады невозмутимого взгляда.

– Если не возьмете меня, уйду к тренеру третьего уровня, а вы потом будете локти кусать.

Лофадь еще никогда не видел такого дерзкого ребенка. Он тоже скрестил руки на груди и снова привалился к барьеру.

– Ты зля теляефь влемя, дефочка, я не дофеляю своих кляч не пойми кому.

Девчонка с задумчивым видом накрутила на указательный палец светлую прядь и ответила:

– Ой, но мне не нужна ваша лошадь, у меня есть своя.

– Да ну, и где фе она? Надеюфь, ты не этого доходягу имеефь в виду?

– Именно его, – заявила нахалка, очевидно, задетая за живое.

Кровь бросилась в лицо Лофады. Его конкуренты решили сыграть с ним очередную шутку: нашли самую безобразную лошадь в городе и заплатили этой мелкой паршивке, чтобы она его разыграла. Он огляделся, ожидая увидеть, как его сослуживцы покатываются от хохота, притаившись в каком-нибудь темном уголке конюшни.

И увидел только стойла, заполненные лошадьми: животные неторопливо жевали сено. Последние всадники уже покинули поле, остались только он да нахальная девчонка. И отступать она не собиралась.

– Просто посмотрите, как скачет мой конь, а уж потом, если сочтете его недостаточно быстрым, я вас больше не побеспокою.

Тренер снова внимательно поглядел на девочку: неужели в ее возрасте можно так ловко разыгрывать комедию? Она похлопывала свою лошадь по шее, и Лофадь видел, как она нетерпеливо постукивает пальцами по шкуре животного. В конце концов, она, скорее всего, просто маленькая дурочка, считающая своего пони боевым конем. Тренер вздохнул и сдался.

– Ефли пофле этого ты офтавишь меня в покое, так и быть, я погляфу, как скачет твоя доходяга. Даю тебе тлидцать секунд, чтобы меня удифить.

На узком личике его собеседницы расцвела широкая улыбка, и Лофадь окончательно убедился, что имеет дело с душевнобольной. Ну, во всяком случае, он ее порадовал. Девчонка подняла руку и указала на беговую дорожку шагах в четырехстах от них, в начале и в конце которой возвышались два столбика.

– За сколько ваша самая быстрая лошадь может пробежать между этими двумя столбами?

– Что? А, за дфадцать офну секунфу – это леколд, установленный Алмафом.

– Тогда мне нужно уложиться в двадцать одну секунду.

Она ухватила за уздечку и повела своего большого пони к началу беговой дорожки. Лофады против воли охватило любопытство, он отметил, что девчонка и впрямь прекрасная наездница: она легко взлетела на спину животного и держалась в седле очень прямо.

Пигалица немного отъехала от первого столбика, потом развернулась и пустила своего скакуна галопом. За несколько секунд она разогналась до невероятной скорости – Лофадь никак не ждал от этого неказистого коня такой прыти. Он еще не успел начать считать, а девчонка уже проскакала шагов сорок. Изумленный до глубины души, Лофадь выпрямился. Животное буквально летело над беговой дорожкой, делая такие длинные скачки, на которые не был способен ни один самый мощный конь. Наездница пригнулась к шее пони и, казалось, ничуть не боится, несмотря на безумную скорость. За несколько мгновений они домчались до второго столбика и понеслись дальше, поднимая красноватое облако пыли. Лофадь сбился со счета. Было ясно одно: этот горный пони только что побил рекорд.

Три секунды спустя всадница наконец сумела замедлить бег своего скакуна и неспешной рысцой вернулась к Лофадю, раздуваясь от гордости.

– Ну что? – спросила девчонка, подъезжая к нему. Она немного запыхалась.

– Никофда такофо не фидел, – потрясенно ответил Лофадь.

Тренер подошел к пони, погладил по сухим бокам и с удивлением признал, что тот вполне настоящий. Животное захрапело и проворно повернулось задом к Лофадю – отойди, мол, а то лягну.

– Как?.. Где?.. Фто это за коняга?

– Я нашла его недалеко от Напоки, – уклончиво ответила девочка, прыгивая на землю.

Каким бы посредственным тренером ни был Лофадь, лошадей он знал как никто. Вдобавок он еще никогда не видел, чтобы животное развивало такую скорость, а главное, чтобы рекорд побила скотина, которую издалека можно спутать с гигантской козой.

– Это не плостая коняга, – проговорил он и нахмурился, давая понять своей собеседнице, что не стоит вешать ему лапшу на уши.

Юная наездница поняла намек.

– В деревне, где я его нашла, мне сказали, что это наполовину единорог, – нехотя призналась она, задирая подбородок, как будто готовилась встретить шквал насмешек, неизбежный после такого смелого заявления.

– Наполовину единолог?

– Да, полуединорог.

Лофадь сильно сомневался в существовании единорогов, а о гибриде коня и единорога и подавно впервые слышал. Однако он счел подобное объяснение почти рациональным, учитывая сцену, свидетелем которой только что стал.

– И тебе его плосто так отдали? – спросил он, подходя к морде коня, дабы разглядеть хоть намек на рог.

– Помимо достоинств, у него есть и недостатки, – ответила Арка, глядя, как Лофадь поспешно отдергивает руку, спасаясь от укуса.

Тренер отступил на шаг и критически оглядел животное. Определенно, пони совершенно не походил на единорога: во всяком случае, Лофадь представлял единорогов иначе. Словно подтверждая сомнения тренера, конь вдруг лег на землю, перекатился с боку на бок по песку, словно поросенок, валяющийся в луже, потом встал – грива взлохмачена, бока все в грязи.

Вопрос заключался в том, не заподозрит ли кто-нибудь подлога. По правилам состязаний принимать участие в гонке могли только лошади. За свою двадцатилетнюю карьеру Лофадь повидал немало попыток мошенничества и жульничества, но до сих пор еще никто не пытался протащить на соревнования полуединорога.

– А ты, где ты научилафь так ездифь велхом?

Несмотря на темноту, он догадался, что пигалица покраснела. Пожав плечами, она ответила:

– В Напоке. Ну, так что, вы наймете меня для соревнований?

Лофадь сдвинул брови и несколько секунд изучающе рассматривал девочку. Что-то она скрывает. С другой стороны, это не его дело. Наконец он заявил, чувствуя, что переговоры будут непростыми:

– Возьму тфоего полуефинолога, и ефли он выиглает, дам тебе дефятую чафть плизовых денег. Это по сплаведливости, ты получифь около тысяфи гипелов. Я подыфу ему холофего наефдника, не волнуйся.

– Чего? Да ни за что на свете! – воскликнула пигалица. – Наездницей буду я сама, и я хочу половину выигры...

– Ты уже бывала на Софтязании василефса? – перебил ее Лофадь. – Знаефь все плавила?

– Э-э-э... нет.

– Это ничего. Никаких плавил нет.

Лофадь выдержал эффектную паузу, давая девчонке возможность осмыслить услышанное, и продолжил:

– Допускаются любые удалы. Это кловавое состязание. Кафдый год погибает как минимум один наефдник. Участники экипилованы делевянными палками, чтобы бить посильнее. Это не плосто скачка, это кулафный бой. Ты увелена, что хофефь плинять участие в свалке?

Девочка небрежно пожала плечами, отменяя все возражения:

– Я бывала в передрягах и похуже. В любом случае, вы не сможете найти подходящего всадника, мой скакун терпеть не может парней. И к тому же, если вы меня не наймете, я пойду к другому тренеру.

Крайне раздосадованный, Лофадь снова скрестил руки на груди. Оценивающе посмотрел на собеседницу, спрашивая себя, выживет ли такая кроха в грядущем суровом состязании. Звезды наконец услышали его, послав подходящую конягу, так что, пожалуй, не стоит привередничать относительно наездницы. В самом худшем случае ее конь закончит гонку один.

– Холофо. Я тебя нанимаю и отдам дефятую чафть выиглыфа.

Видя, что нахалка снова готова спорить, он добавил:

– Это не обсудфается! От этой суммы я не отфтуплю, а ты не найдефь ни одного тленела, котолый бы согласился выделить тебе больфий плоцент.

Девочка насупилась, яростно накрутила на палец прядь волос и принялась вполголоса подсчитывать.

– Согласна, если вы меня накормите и до начала скачек предоставите мне жилье, – сказала она в конце концов.

– Мы с женой об этом позаботимфя. Это фсе?

– Нет. Еще я хочу чистую одежду и обувь. И мыло.

Она начала рассказывать что-то про бочку с тухлой рыбой. Тренер вскинул руку, прерывая захватывающий рассказ:

– Договорились?

– Договорились, – ответила девчонка, ударяя по подставленной ладони.

Довольно шурясь, она оглядела погрузившиеся в темноту конюшни.

– Итак, у вас найдется стойло для Карапуза?

– Калапуф? Его так зофут? – повторил ошеломленный Лофадь.

– Ну да, – ответила пигалица, как будто это нечто само собой разумеющееся.

Лофадя охватило отчаяние, он представил реакцию зрителей, когда глашатай станет объявлять имена участников перед началом состязания. Определенно, у звезд очень извращенное чувство юмора.

– Потому что он маленький, – уточнила девочка.

– Фпафибо, я понял. Ну а ты, как тефя зофут?

– Арка, – ответила она и широко улыбнулась.

3. Состязание василевса

Ластианакс

Ластианакс поднялся по лестнице крепостной стены, и расстеленная на каменных ступенях ковровая дорожка поглотила звук его шагов. Справа взору юноши открывалась беговая дорожка. Никогда еще во время Состязания василевса у Ластианакса не было такой хорошей точки обзора. Впервые в жизни он будет наблюдать за скачками с трибун. Перед ним возвышался лес башен, отделенный от земляных валов широкой полосой незастроенной земли, опоясывающей город. Высота зданий повторяла изгиб купола и нарастала тем больше, чем ближе к центру они находились; роскошные в своей архитектуре вершины башен седьмого уровня имели от одного до пяти этажей. На стенах внешних башен цвели залитые солнечным светом растения вертикальных садов. Здания каждого уровня были окружены платформами, а те соединялись между собой тротуарами и каналами, позволяя жителям добираться до своих жилищ пешком или на черепахах. Похоже, сегодня все обитатели Гипербореи решили покинуть свои дома. По ту сторону беговой дорожки толпились, напирая на ограждение и толкаясь локтями, тысячи людей. С высоты башен казалось, что толпа переполняет каналы. Каждый уровень гордо выставил напоказ свой цвет, и город превратился в огромный слоеный пирог. Тут и там громыхали волшебные хлопущки. Время от времени кто-то из зрителей затягивал гимн своего уровня, и его тут же подхватывали сотни голосов.

Ластианакс наконец поднялся на вершину земляного вала и оказался на обходной дороге, где ради такого случая расставили скамьи. Перед ним простиралась заснеженная равнина, окаймленная темнеющим вдали зубчатым горным хребтом. От лютой стужи юношу отделял купол, установленный на окружавшем город земляном валу, ширина которого достигала двадцати шагов. Молодой человек подошел и прижал ладонь к гладкой поверхности адаманта. Этот ледяной мир, подверженный капризам ненастной погоды, вызывал у истинного гипербореяца, каковым и являлся Ластианакс, отвращение. Его с детства учили презирать варваров, лишенных почетного права жить под куполом. На первом уровне люди очень дорожили этим представлением о привилегиях: их успокаивала мысль о том, что кому-то на этом свете живется еще хуже.

Тем не менее Ластианаксу все чаще казалось, что он задыхается в этом городе. Весь последний год обучения, пока он корпел над своим изобретением, его часто охватывало желание открыть для себя мир, который он знал только по рассказам исследователей и видел на картах. Но перспектива заменить Палатеса и данное самому себе обещание найти убийцу заставили юношу остаться в городе. Эти две цели казались ему тесно связанными. Ластианакс не сомневался: именно в Совете Палатес заметил нити, сплетенные загадочным пауком, который в итоге его убил. Чтобы выкурить зверя из норы, молодому человеку пришлось забыть о своих мечтах.

В некотором смысле он испытал облегчение, поняв, что пока не может покинуть свой город. Возможное столкновение с убийцей пугало его не так сильно, как внешний мир.

Жара вырвала Ластианакса из раздумий. Из-за скопления тысяч зрителей температура под куполом стала почти невыносимой. Ластианакс покачал плечами своей тяжелой, собранной в складки пурпурной тоги, символом его звания мага. Прямо сейчас он охотно променял бы ее на более тонкую ученическую тунику.

– Так это правда, ты уже маг? – произнес насмешливый голос позади него. – Похоже, тебе, как обычно, не терпится всем доказать, что ты лучший?

Ластиянакс обернулся и оказался лицом к лицу с девушкой лет восемнадцати, одетой в зеленое платье того же цвета, что ее глаза. В этом платье и муаровом тюрбане, стягивающем ее длинные черные волосы, Пирра была неотразима – наверняка вскоре многие модницы возьмут на вооружение этот образ.

– Я же здесь не один такой, – ответил Ластиянакс. – Кстати, где твоя ученическая туника?

– Ластиянакс, тебе прекрасно известно, что моя защита должна состояться через две недели, – сказала Пирра, досадливо хмурясь. – К тому же разве можно заявиться на Состязание василевса в ученическом платье, будучи законодательницей гиперборейской моды? Кроме того, никому и в голову не могло прийти появиться здесь в официальной одежде, – добавила она, оглядывая молодого человека с головы до ног.

Ластиянакс почувствовал, что краснеет. Он взглянул на магов, занимавших свои места на трибунах. Действительно, все его коллеги отказались от своих пурпурных тог в пользу более праздничных нарядов. Чувствуя себя чужелом, юноша снова перевел взгляд на насмешливую Пирру. Она всегда смотрела на его правый глаз.

– Ластиянакс, – проговорила девушка, качая головой. – Твой наряд так и кричит: «Я с первого уровня!» Это даже трогательно. Ладно, извини, эпарх занял мне место в главной ложе. Впервые за сто лет женщине позволили сидеть там, было бы жаль упустить такую возможность.

С этими словами она легкой походкой пошла к трибуне.

«Она сильно изменилась», – с горечью подумал Ластиянакс, следуя за девушкой.

Пирра села под парчовым навесом в центре трибуны, а юноша остановился у первого ряда и встал, облокотившись на парапет. Перед ним на трибунах собралась толпа магов, словно волна, что вот-вот обрушится на него. Молодой человек вдруг представил, насколько потешное зрелище являет собой, неспроста его коллеги сейчас наблюдают за ним, ехидно усмехаясь: девятнадцатилетний кандидат в министры, неопытный настолько, что не умеет носить тогу и спотыкается на каждом шагу, путаясь в складках одеяния. Ластиянакс выбросил из головы свои тревоги и заставил себя уверенно оглядеть трибуны в поисках стратегически выгодного места. Состязание василевса дает ему уникальную возможность набрать очки в политике.

В главную ложу, предназначенную для самых важных персон, ему не попасть. Там уже сидел Силен и о чем-то оживленно беседовал с министром торговли. Заметив, что его бывший ученик стоит в нижней части импровизированного амфитеатра, толстячок ему подмигнул. С тех пор как тайнограф взял Ластиянакса под крыло, он всеми силами пытался найти для него поддержку в Коллегии наставников. К настоящему моменту ему еще осталось уговорить министра торговли, однако даже если последний согласится поддержать Ластиянакса, то будет не хватать еще одного голоса, а ведь следующее заседание Совета уже совсем скоро.

Твердо вознамерившись найти потенциальных союзников, Ластиянакс скользнул взглядом по главному казначею, стратегу и судебному секретарю. Эти трое всегда выражали преданность эпарху – никто из них не рискнет проголосовать за протееже Силену. Взгляд молодого человека упал на Триериоса, министра колоний, тучного мужчину в пенсне. Он носил угольно-черную козлиную бородку, из-за чего его круглое лицо походило на перевернутую грушу. В отличие от других членов Совета Триериос сидел не в главной ложе. Министр не пропускал ни одной юбки, но был прекрасно образован и умен, недавно он выступил против продажи колоний Темискире и с тех пор впал в немилость. Тем не менее Триериос входит в Совет, а посему является перспективным союзником... если, конечно, Ластиянакс сумеет заручиться его поддержкой.

Пока юноша придумывал, под каким благовидным предлогом подойти к министру, тот вдруг впился взглядом в проходящую мимо хорошенькую белокурую служанку, несущую на одной ладони поднос с алебастровыми чашками. Министр окликнул девушку, но та подавала напитки другим магам и не слышала его. Другой слуга подошел к министру и поднес ему наполненный стакан, но Триериос сердито его оттолкнул. Догадавшись, что напитки интере-

суют сластолюбца куда меньше прекрасной подавальщицы, Ластианакс подошел к служанке и указал на нетерпеливо ерзающего на своем месте мага. Девушка поспешила к нему, а Ластианакс последовал за ней. При виде подошедших к нему молодых людей Триериос просиял.

– Господин министр, этот молодой мастер сообщил мне, что вы желаете чего-нибудь выпить, – сказала служанка, наклоняясь, чтобы лучше слышать. – Что именно вам подать?

– Стаканчик сладкого вина нового урожая с Касситеридских островов и вашу очаровательную улыбку, моя милая, – ответил Триериос и подмигнул. – Обратитесь за этим нектаром к виночерпию, я знаю, у него осталось несколько амфор. Именно я их ему привез из своей последней поездки в колонии, – уточнил он и поправил на носу пенсне, дабы лучше видеть пышный бюст девушки. – Этот напиток, пьянящий и золотистый, – подлинное наслаждение, прямо как вы, моя милая.

Стыдясь своей хитрости, Ластианакс тем не менее тоже залюбовался достоинствами служанки, а та натянуто улыбнулась, создавая у Триериоса иллюзию, будто высоко оценила его комплимент, после чего поспешно удалилась. Молодой человек кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание министра – тот бормотал себе под нос: «До чего прелестная девица...» – и, указав на пустую часть скамьи рядом с Триериосом, спросил:

– Это место свободно?

Триериос мечтательно жмурился, но, услышав вопрос, поднял глаза и посмотрел, кто к нему обращается.

– Конечно-конечно! Могу даже уступить вам свое, если приведете ко мне еще одну такую красотку!

– Ха-ха-ха! – воскликнул Ластианакс и, расправив складки тоги, сел.

Впрочем, он тут же умолк, потому что его смех прозвучал в высшей степени фальшиво.

Некоторое время Триериос внимательно его рассматривал, поглаживая напомаженную и надушенную бородку, а тем временем перед трибунами появился глашатай, готовясь объявить начало состязаний.

– Судя по вашему платью, вас недавно повысили до мага, молодой человек. И, кроме того, полагаю, вы не случайно выбрали это место.

Ластианакс приосанился и откинулся на спинку скамьи. Триериос попал не в бровь, а в глаз – тем лучше, не придется долго ходить вокруг да около.

– Так и есть. Как вы знаете, после кончины министра усреднения в Совете появилось вакантное место...

– Ха-а-а, так я вас узнал, я же вас видел в компании своего ученика, – прервал его Триериос, выпрямляясь. – Вы – тот самый Ластианакс, который имел дерзость покуситься на место бедняги Палатеса в пику нашему горячо любимому епарху! Да, в самом деле, я наслышан о вас. Помню, как вы показали себя во время Атрибуции пять лет назад. В то время я даже подумывал взять вас к себе в ученики, но вас нельзя было назвать... беспроегрышной ставкой. Всегда рискованно брать под крыло выходца с нижних уровней, каким бы талантливым он ни был. Однако пока что вы только подкрепляете свою репутацию, которую завоевали на том турнире.

Ластианакс машинально погладил нос, сломанный во время Атрибуции.

– Справедливое замечание, мастер, я проделал долгий путь. А теперь вы готовы сделать выгодную ставку?

Тут их беседу прервал магически усиленный голос глашатая:

– Гиперборейцы, гиперборейцы!

Шум толпы стих, все зрители умолкли, чтобы послушать глашатая. Люди выглядывали из окон башен и толпились по краям каналов, самые способные к магии даже пытались парить над людским морем. Некоторые взобрались на стены, цепляясь за выющиеся растения, рискуя сорваться и упасть. Каждый год во время состязаний гибло не менее десяти самых отчаянных любителей зрелищ.

– Добро пожаловать на сто первое Состязание василевса!

Толпа взревела, народ топал ногами и размахивал разноцветными знаменами. Стаи птиц-парусов сорвались с крыш, обезумев от оглушительного шума.

– В этот сто восемьдесят четвертый благословенный год правления Его Величества Василевса, Первого Гиперборейца, Великого Строителя, Верховного Мага, Покорителя амазонок...

– Покоритель амазонок, ну конечно, – проворчал Триериос, а глашатай все перечислял многочисленные титулы монарха. – Итак, проще говоря, вы просите меня отдать за вас голос и помочь вам стать министром усреднения, хотя вы даже не являетесь моим учеником.

Это была констатация факта, а не вопрос. Триериос повернул голову и стал смотреть, как наездники и их скакуны выходят на беговую дорожку под приветственные крики толпы. Казалось, министр совершенно забыл о просьбе юноши. Уверенный, что толстяк просто обдумывает поступившее предложение, Ластианакс помалкивал, пытаясь дышать ровно. В горле у него пересохло, ужасно хотелось, чтобы давешняя служанка поскорее вернулась, тогда можно будет, в свою очередь, приказать ей принести чего-нибудь попить.

– Скажите, кто выигрывает на Состязаниях василевса? Лошадь или всадник? – спросил вдруг Триериос.

От удивления Ластианакс не сразу нашелся с ответом.

– Лошадь.

– Точно. Лошадь будет бежать даже быстрее, если избавится от веса всадника. Забавно видеть, как те, кто, казалось бы, поддерживает вас, на самом деле становятся победителями, не так ли?

Министр колоний проницательно посмотрел на юношу поверх пенсне.

– Вы действительно доверяете своей лошади в гонке, призом в которой будет министерское кресло?

Ластианакс с беспокойством взглянул на главную ложу: Силен, весело улыбаясь, рассуждал о достоинствах того или иного скакуна, попутно поглощая пирожные.

– Лошадь без всадника редко выигрывает скачки, – ответил он, возвращая министру его метафору. – Всегда есть что-то, чего можно достичь, поддерживая кого-то до конца, особенно если этот кто-то задался целью присоединиться к Совету. Кстати, эпарх желает продать Касситеридские острова Ликургу, чтобы укрепить нашу военно-морскую мощь, не так ли? Есть риск сокращения импорта вина.

Триериос улыбнулся уголком рта и сдвинул пенсне на кончик носа.

– Вы затронули чувствительный вопрос, Ластианакс, но не думайте, что получите мой голос, озаботившись судьбой нескольких амфор... Ах, наконец-то!

Ластианакс поднял глаза, уверенный, что его сосед намекает на василевса, чей огромный паланкин, украшенный золотыми грифонами, только что появился на земляном валу. Восемь носильщиков, поддерживавших паланкин, двигались так плавно и слаженно, что казалось, будто вся эта массивная конструкция едет на колесах. Зрители все как один подались вперед, чтобы лучше видеть, как монарх выходит из паланкина. Ластианакс тоже вытянул шею. Похоже, лишь сидящий рядом с ним Триериос не пришел в восторг от прибытия государя: служанка наконец принесла ему чашу вина.

– У вас нет предков из южных земель? Мне довелось побывать в тех краях, и, должен сказать, там обитают самые прелестные создания...

Не в силах наблюдать за ужимками министра, очаровывающего смазливую девицу, Ластианакс снова посмотрел на василевса. Монарх вышел на выступ стены и махал ликующей толпе. Никогда еще Ластианаксу не выпадала возможность увидеть правителя с такого близкого расстояния. Одетый в длинную синюю тогу, покрытую вышивкой, подпоясанный королевским кушаком из лазурита и орихалка, монарх выглядел очень величественно, точь-в-точь как его статуи, повсюду стоявшие в Гиперборее. Когда аплодисменты утихли, василевс повернулся

и в сопровождении множества стражников направился к установленному в главной ложе трону. Кожа правителя была гладкой и без морщин, короткие черные волосы блестели, но его лицо со впалыми щеками выглядело постаревшим, как будто нос, скулы и уши отвисли за долгие десятилетия. Василевс, которому стукнуло почти двести лет, обманывал время: он постоянно омолаживал свое тело при помощи каких-то магических процедур, повторить которые никому не удавалось. Однако магия имеет свои пределы, и теперь казалось, что монарх застрял между двумя возрастами, как будто неведомое проклятие лишило его молодости, но и стариться не давало.

Ластианакс, как и многие гиперборейцы, считал, что василевсу давно пора уйти на покой, передав бразды правления другой династии. Последний представитель своего рода, монарх упорно цеплялся за трон и придерживался устаревших политических взглядов, например сотрудничал с кланами и постоянно противостоял амазонкам. К счастью, законы Гипербореи ограничивали его власть. Василевс был обязан консультироваться с Советом министров, членов которого выдвигала Коллегия наставников. Этот институт смягчал деспотичные наклонности владыки, но совершенно не решал проблему царившего между уровнями неравенства. Именно по этой причине в свое время учредили должность министра усреднения. Этот пост зачастую занимали не слишком влиятельные люди, ибо какой могущественный маг станет заниматься судьбой низших уровней?

Василевс уселся на трон, и толпа понемногу начала успокаиваться. Все ждали, что монарх взмахнет рукой, тем самым объявив начало скачек. Служанка, вдоволь наслушавшись медоточивых речей Триериоса, наконец ускользнула прочь, и министр колоний снова обратил свой взор на Ластианакса.

– Я мог бы оказать вам поддержку, – заявил он, – но и вы взамен должны мне помочь...

Ластианакс выпрямился и насторожился. Что же потребует у него Триериос? Подделывать документы? Разрешить торговлю спиртными напитками на четвертом уровне? Подкупить какого-нибудь судью?

– Я вас слушаю.

– В общем, – начал Триериос, – только что я видел, как вы беседовали с одной девушкой, стоя там, внизу... Пирра, не так ли? Мне бы хотелось знать...

Он наклонился к Ластианаксу и в деталях изложил свою просьбу, потом снова выпрямился и спросил с надеждой:

– Итак, вы согласны? Если пообещаете мне это, я отдам свой голос за вас.

Глаза у толстяка блестели.

Ластианакс посмотрел на Пирру, сидевшую в нескольких шагах от василевса. Она демонстрировала полное равнодушие к завистливым взглядам пожилых магов-женоненавистников, которые не удостоились чести попасть в главную ложу. Юноша ждал какого-то сложного поручения, чего-то, что позволит с пользой применить его интеллект и политическое чутье... Однако поставленная задача привела его в ужас.

– Я об этом позабочусь.

Пожалуй, пост министра усреднения стоит того, хотя молодой человек вдруг понял, что предпочел бы подкупить судью, чем выполнить просьбу Триериоса.

На краю крепостного вала глашатай снова выступил вперед и начал объявлять клички лошадей, принимающих участие в соревновании. Ластианакс выбросил из головы нерешительность и внутренний протест из-за сделки с Триериосом и сосредоточился на скачках.

– АДАМАНТ!

С первого этажа грянули такие оглушительные аплодисменты, что, казалось, содрогнулся купол.

– ДИАГОС!

Всадник Диагоса, одетый в желтую куртку, поднял хлыст, приветствуя второй уровень.

– ТОКСАРИС!

– Ха, это моя лошадь! – сказал Триериос и тоже захлопал в ладоши. – А вы на кого сделали ставку?

– На лошадь четвертого уровня, – ответил Ластианакс. – Я всегда ставлю на лошадь четвертого уровня, – добавил он.

– Вы откуда родом? – спросил Триериос.

– Нет, я с первого уровня, но я знаком с тренером... – начал было Ластианакс и тут же понял, что на самом деле не хочет об этом говорить. – Это долгая история, – резковато закончил он.

– КАРАПУЗ!

Вместо привычных аплодисментов грянул дружный хохот: зрители на трибунах потешались и тыкали пальцами в сторону поля, даже маги прыскали, не в силах сдержать хихиканье. На беговую дорожку вышел всадник, или скорее всадница? Девочка запрыгнула на маленького белого коня и вяло вскинула руку, приветствуя заходящуюся смехом толпу. Лишь обитатели четвертого уровня хранили оскорбленное молчание.

– Ну, Ластианакс, думаю, ваш боевой конь имеет мало шансов прийти первым, – заметил Триериос, приподнимая пенсне и утирая выступившие от веселья слезы.

Взбешенный Ластианакс бросил гневный взгляд на упомянутого тренера, а глашатай прокричал: «БУНТАРЬ!», вызвав торжествующие крики жителей пятого уровня.

– Может быть, это блестящий наездник, – пробурчал он.

Арка

Карапуз стегнул себя хвостом по боку, взбрыкнул, фыркнул – в общем, всем своим видом показывал, что рвется в бой. Нелепое хвастовство своей силой перед лицом великолепных скакунов, с которыми он собирался соревноваться. Арка, никогда не выдавшая его в таком состоянии, пожалела, что не успела подстричь коню гриву. Грива Карапуза свисала почти до земли спутанными патлами, в то время как другие лошади были коротко острижены, так что гребень волос подчеркивал мускулы на их шеях.

Сжав поводья в одной руке, Арка поправила свой красный нагрудник, который был ей слишком велик. Ее костяшки побелели, так сильно она сжимала выданный ей деревянный хлыст – единственное оружие, которое разрешалось носить всадникам. Перед ней уходила вдаль песчаная дорожка, пустая и светлая: с одной ее стороны сгрудилась толпа зрителей, а с другой – нависали крепостные валы, на которых восседали василевс и маги. Трибуны разразились аплодисментами, когда глашатай объявил лошадь седьмого уровня, Орихалка, одного из фаворитов скачек.

Арка постаралась отрешиться от взрывов смеха, нервировавших ее коня, и сосредоточиться на словах Лофады. Тренер велел ей придержать Карапуза в хвосте группы до самого последнего круга. Избегать ударов. Не садиться на хвост Адаманту, который, несомненно, вырвется вперед в первые секунды гонки. Карапуз, конечно, быстрый, но не такой закаленный, как его соперники, и гораздо хуже подготовлен.

Последние три дня Лофадь ревностно хранил в тайне существование Арки. Он делал вид, что занимается Трофеем, а на самом деле тренировал Арку и Карапуза; делать это приходилось в сумерках, когда беговая дорожка пустела. Тренер постоянно твердил, чтобы девочка никому не рассказывала о происхождении ее коня, а не то их дисквалифицируют. Будучи крайне суеверным, он даже старался не произносить имя коня, предпочитая называть его «Секретным оружием». Таким образом, до самого начала скачек никто не подозревал об участии Арки; распорядитель даже сначала отказался пустить ее на разминку, убежденный, что его разыгрывают.

Два маленьких мальчика развернули шелковую ленту перед лошадьми на уровне их корпусов, разошлись в разные стороны и привязали концы ленточки к двум столбам, стоявшим по обе стороны от беговой дорожки.

– Твой пони мог бы легко пройти под этой лентой, – со смехом проговорил рыжий парень слева от Арки. Звали его Ритас, он ездил на Токсарисе. – И с каких это пор девчонкам позволено соревноваться?

Арка пожала плечами.

– Не вижу для этого никаких препятствий, – ответила она и натянула поводья, сдерживая Карапуза, тот ожесточенно рыл копытами землю.

Девочка взглянула на Лофады: тренер стоял у края дорожки и смотрел на нее, сжав кулаки. Они кивнули друг другу. На вершине крепостного вала василевс поднялся с трона. Зрители затаили дыхание. Арка выпрямилась, удерживая Карапуза, который, казалось, был готов вырвать поводья из ее рук. Ей вдруг ужасно захотелось в уборную.

Василевс поднял руку и резко ее опустил.

В следующую секунду двадцать восемь копыт загрохотали по беговой дорожке и затоптали сорванную шелковую ленту. Карапуз рванулся было вперед, чтобы стать лидером гонки, но Арка, следуя совету Лофады, изо всех сил натянула поводья и заставила коня пристроиться за Бунтарем. Впереди участники гонки уже всю делили места, хлеща своих лошадей и соперников, чтобы выйти вперед. Всадник, обгонявший Арку, попытался ударить ее, проезжая мимо. Девочка прижалась к шее Карапуза и увернулась от удара хлыстом. Воспользовавшись тем, что Арка, пригибаясь, ослабила поводья, ее пони немедленно обогнал Токсариса, зайдя со

стороны ограждения... Но Ритас краем глаза заметил это и послал свою кобылу вправо, толкая Карапуза к ограждению, за которым сгрудилась толпа зрителей. Колено Арки ударилось о столб, она вскрикнула от боли.

От удара девочка потеряла равновесие и почувствовала, что соскальзывает на землю, но в последний момент ухватила за гриву Карапуза. Как хорошо, что она так его и не обстригла! Арка выпрямилась и стиснула зубы. Шесть коней скакали перед ней, засыпая ей лицо песком. Они уже прошли несколько сотен шагов и быстро приближались к первому повороту.

Арка потеряла глаза, пытаясь не обращать внимания на дергающую боль в колене. Первые лошади уже заходили на поворот, и девочка увидела лидеров гонки: Орихалк вел, за ним по пятам гнался Адамант. Остальные участники не отставали ни на шаг; разрывов между конкурентами еще не образовалось. Когда Карапуз вошел в поворот, Арка услышала удары и оскорбления. Воспользовавшись выходом из поворота, всадник Адаманта обогнал соперника и после короткого обмена ударами сбросил на землю всадника Орихалка.

Поле огласили пронзительные крики боли: четверо преследователей растоптали упавшего человека. Карапуз перепрыгнул через искореженное тело. Арка подумала, так ли уж необходимо было участвовать в Состязании василевса.

Впрочем, теперь поздно жалеть: что сделано, то сделано. Кони приближались к самому сложному участку трассы: дорога начинала петлять через город, между башнями и каналами нижнего уровня. Арка глубоко вздохнула. Это был ее шанс. Более мелкий, чем остальные кони, Карапуз мог ловко маневрировать и ускоряться там, где его конкуренты из всех сил пытались не потерять равновесия.

Толпа вопила: «Орихалк! Адамант!» Вдруг кто-то крикнул: «Карапуз!» Арка приободрилась, крепче сжала поводья и послала коня вперед. Делая огромные скачки, он обогнал Ритаса – рыжий только глаза выпучил от удивления и тщетно размахивал хлыстом. Мгновение спустя Карапуз нырнул в тень башен. Другие лошади чуть сбавили ход, опешив в новой, непривычной обстановке, и Арка догнала Диагоса. Они обогнули широкий канал, запруженный лодками, на которых теснились вопящие зрители.

Когда Арка попыталась обогнать Диагоса, его всадник резко послал своего скакуна в сторону, толкнув Карапуза. Сбитый с курса конь вдруг обнаружил, что скачет по самой кромке воды, рискуя свалиться в канал. Арка вскинула руки, защищаясь от града ударов, которые обрушил на ее голову соперник. Бок Диагоса ударился о ее ушибленное колено. Девочка потяряла хлыст еще на старте гонки и теперь была совершенно беспомощна. Прижав уши, Карапуз тщетно пытался укунить другую лошадь. На лодках зрители истерически ахали и охали.

– Они сейчас упадут! – крикнул кто-то.

Спина Арки горела огнем от ударов хлыста; она услышала, как копыта Карапуза с визгом скользят по краю набережной, и приготовилась к падению. Внезапно ей в спину ударил порыв ветра, крики толпы стали громче, и избиение прекратилось.

Она подняла глаза и поняла, что Карапуз восстановил равновесие. Обезумевший от порыва ветра, Диагос попытался избавиться от всадника, нанося ему удары головой, вскидывая крупом и приседая на всем скаку.

Не пытаясь понять, откуда вдруг взялся ветер, Арка выхватила у кого-то из стоявших в лодке зрителей красный флаг.

Зажав длинное древко под мышкой, она бросилась в бой, как настоящая амазонка, и ударила всадника своим импровизированным копьем. Соперник потерял равновесие и покатился по земле. Его лошадь немедленно замедлила бег и скрылась где-то позади.

– Осталось пять, – выдохнула Арка.

Крепко зажав флаг под мышкой, она на полной скорости вписалась в крутой поворот.

Впереди трое всадников скакали, выстроившись в ряд. В этом месте трассы дорога проходила между двумя башнями, сузившись до ширины телеги, так что коням приходилось почти

прижиматься друг к другу. Два наездника, оказавшиеся по краям, немедленно воспользовались этой возможностью и стали хлестать центральную лошадь. Испуганное животное встало на дыбы и опрокинулось, придавив своего всадника. Лошадь уже поднималась на ноги, когда ее на полной скорости нагнал Карапуз. Он наострил уши, напряг мускулы, подпрыгнул и пролетел над лошадью. Схватив его за гриву, Арка полетела вместе с ним и, когда копыта коня стукнулись о землю, тяжело ткнулась ему в шею. От удара ее травмированное колено пронзила острая боль, но девочка по-прежнему держала знамя под мышкой. Она ударила Карапуза пятками по бокам, и конь прибавил ходу. Он хрипло дышал, с его боков стекал пот. Вдали, в нескольких сотнях шагов, в просвете между двумя башнями показались крепостные валы.

Арка направила свою аниму на полотнище флага и заставила красную ткань вспыхнуть. Карапуз продолжил скакать, быстро сокращая расстояние, отделявшее его от конкурентов. Перед ним Бунтарь увидел горящий флаг, испугался и круто свернул, подрезав бегущего рядом жеребца. Две лошади тут же отстали, а Карапуз уверенно рвался вперед. Арка отшвырнула охваченный пламенем флаг.

– Осталось два, – выдохнула она, снова хватая поводья.

Карапуз миновал башни и, пройдя последний поворот, вылетел на протянувшуюся вдоль крепостного вала финишную прямую. Залитая светом дорожка внезапно показалась девочке бесконечной. В уши Арке ударили оглушительные крики многотысячной толпы. Перед ней остались только Орихалк, продолжавший гонку без всадника, и Адамант, на котором ехал Калиос. Арка наклонилась вперед и подтянула поводья до ушей своего коня, готовясь к последнему рывку.

Карапуз поднажал и догнал Адаманта, которого Калиос нахлестывал изо всех сил. Арка оперлась на холку своего коня и ударила Калиоса ногой, так что тот вылетел из седла. Адамант сразу же замедлил бег.

Остался только Орихалк; избавленный от веса всадника, он как стрела летел к финишу. Карапуз постепенно сокращал разделявшее их расстояние. Краем глаза Арка увидела, как Лофадь перелезает через барьер и хромот по беговой дорожке, чтобы ободрить девочку, а его примеру тут же следуют сотни гиперборейцев.

До финиша оставалось не более трех сотен шагов, а Орихалк все еще лидировал, на два шага впереди. Карапуз не мог бежать быстрее: если не случится чуда, они проиграют гонку.

И тогда Арке пришла в голову одна идея.

Алькандр

Разгорячившись, как сопливый мальчишка, Алькандр перепрыгнул через ограждение и вместе с остальными зрителями побежал за двумя лошадьми, мчащимися к финишной черте.

По иронии судьбы он едва не пропустил Состязание василевса. Чем впустую тратить время, глаза на скачки, лучше поискать Арку, тем более что турнир быстро приближался. За три дня ему удалось найти всего одну серьезную зацепку: один бандит сказал, что видел, как девочка угоняла черепаху главы клана и устроила адскую гонку в каналах.

Однако Алькандр любил лошадей, и поддался искушению, и, как оказалось, не прогадал: Арке хватило смелости принять участие в главном соревновании года верхом на пони, но в итоге она победила почти всех своих конкурентов.

Алькандр бежал к финишной черте, не сводя глаз с маленького белого коня, гнавшегося по пятам за Орихалком. Увы, избавившись от седока еще в начале скачки, мощный жеребец сохранил больше сил, и казалось, что догнать его невозможно.

Арка, по-видимому, на мгновение заколебалась: ее конь все еще скакал во весь опор, а девочка вдруг выпрямилась, перекинула одну ногу через спину животного и спрыгнула на землю. Толпа, как один человек, потрясенно выдохнула: «О-о-о!»

Освободившись от веса всадника, Карапуз вытянул шею и помчался быстрее, набрав скорость, необходимую, чтобы догнать Орихалка. Плечом к плечу обе лошади вместе пересекли финишную черту, и над полем повисла потрясенная тишина.

Затем раздался крик:

– КАРАПУЗ!

Радостные крики сотрясли купол, земля задрожала под ногами десяти тысяч зрителей, которые перепрыгивали через барьеры и высыпали на беговую дорожку. Даже только что проигравшие маги седьмого уровня приветствовали победителя с высоты крепостных валов.

Не замедляя бега, Алькандр бросился к Арке, которая хромала после падения. Десятки людей уже обнимали ее, поздравляли, хлопали в ладоши. Алькандр схватил девочку за талию и усадил себе на плечо, не давая ей времени увидеть его лицо. Впрочем, Арке сейчас было не важно, кто ее держит. Окруженная сотнями ликующих людей, она торжествовала, победно вскидывала руки к небу. Алькандр пронес девочку через толпу, морщась, когда ему в лицо летели бросаемые зрителями охапки цветов. Через несколько мгновений к ним подвели Карапуза, зрители сумели остановить его только в конце беговой дорожки. Алькандр помог Арке взобраться на мокрую от пота спину пони и позволил толпе поглотить их.

С веселой улыбкой он издали наблюдал, как Карапуз сердито грызет венки, только что надетый ему на шею. Все шло просто идеально, его планы не будут нарушены. Алькандр вернулся к ограждению, легко перепрыгнул через него и, пройдя через пустые конюшни, вышел в город. Сейчас все зрители спешили к беговой дорожке.

– Сирам, – позвал он, не сбавляя шага.

Рядом пронесся порыв ветра, всколыхнув край его туники. В воздух поднялись пыль и песок, закрутились вихрем и приняли очертания светловолосого сероглазого юноши, он зашагал рядом с Алькандром.

– Ты ей помог?

– Совсем немного.

Что-то в ответе собеседника натолкнуло Алькандра на мысль, что Сираму тоже понравились скачки. Впрочем, он тут же выкинул эту абсурдную мысль из головы: Сирам больше не может любить и радоваться, он способен только повиноваться.

– Теперь, когда мы знаем, где она, остается лишь направить ее на Атрибуцию. Продолжай за ней следить.

Призрак кивнул, а потом растаял в воздухе, будто его никогда и не было.

4. Седьмой уровень

Ластианакс

На следующий день после скачек Ластианакс направился в главную библиотеку, и неприятное, тянущее чувство в животе мучило его сильнее, чем в утро защиты. Он не помнил, когда в последний раз делал что-то с такой неохотой. Однажды на уроке Силен попросил его сыграть роль подопытного кролика, чтобы продемонстрировать другим ученикам действие печати безумия. Ластианакс двадцать минут самозабвенно прыгал между рядами амфитеатра, считая себя кроликом, прежде чем тайнографу удалось деактивировать печать. Однако даже на том уроке он проявил больше энтузиазма и готовности помочь. Придя в главную библиотеку, юноша еще раз попытался убедить себя, что выполняет просьбу Триериоса, чтобы войти в Совет и там найти след убийцы Палатеса, а не ради удовлетворения своего честолюбия.

На седьмом уровне здание библиотеки имело высокие окна трапециевидной формы, над которыми нависал каменный купол, окрашенный в синий и золотой цвета. По округлым стенам вились красочные орнаменты. Попасть в библиотеку можно было через красивую дверь из кедра в окружении двух статуй, олицетворяющих Эрудицию и Передачу Знаний.

В столь поздний час библиотека была почти безлюдной, лишь несколько учеников сидели тут и там на обшитых деревянными панелями ярусах, в основном пятикурсники, спешившие закончить свои изобретения. Ластианакс завершил работу над своим проектом первым: так сильно ему хотелось поскорее сменить ученическую тунику на другое, более солидное платье.

На мозаичном полу читального зала лежали трапециевидные пятна света, лившегося из окон, и было видно, как плавают в солнечных лучах танцующие в воздухе крохотные пылинки. Окна были застекленные – большая редкость в Гиперборее, ведь благодаря куполу в городе всегда царило тепло и отсутствовали сквозняки. Причина столь необычного явления крылась в яростной борьбе, которую верховный библиотекарь вел против птиц: голубей, воробьев и птиц-парусов – раньше пернатые влетали в библиотеку и роняли помет на драгоценные манускрипты. Несколько особо упорных воробьев свили гнезда на самых верхних полках, и время от времени оттуда доносилось нахальное чириканье.

Ластианакс оглядел огромный зал, хранивший под своим куполом несколько сотен тысяч книг. Под самым сводом парили, плавно перемещаясь с места на место, огромные световые шары, имитируя эллиптическое движение планет, – этакая гигантская астролбия. Постоянное перемещение источников света создавало гипнотический эффект игры света и тени. Главная библиотека занимала последние четыре уровня башни, но попасть в нее можно было лишь с седьмого. Еще одна гиперборейская нелепость, на которую Ластианакс неоднократно обращал внимание Палатеса, но его наставнику не хватало смелости поднять этот вопрос в Совете.

– Добрый вечер, Ластианакс. Ищете какую-то конкретную книгу?

Ластианакс повернулся и увидел, что к нему идет верховный библиотекарь, держа в руках какую-то рукопись. Взъерошенная седая грива волос и длинные бакенбарды делали мага похожим на бюсты мудрецов, украшавшие Магистериум. В бытность свою учеником Ластианакс стал любимцем старика: в конце четвертого курса тот однажды признался, расчувствовавшись, что юноша побил рекорд по количеству взятых книг. Верховный библиотекарь давно лелеял надежду увидеть молодого человека в составе своей команды архивариусов, но Ластианакс выбрал политику, тем самым безмерно разочаровав старика.

– Добрый вечер, мастер, – ответил юноша.

И тут же подумал, что придется избавиться от раздражающей привычки называть магов «мастерами» теперь, когда он и сам стал одним из них.

– Нет, сегодня я здесь не ради работы, Зенодот, – ответил он. – Я ищу Пирру. Вы ее не видели?

Накануне он пытался перехватить ее после скачек, но девушка уже ускользнула. Поскольку все его бывшие одноклассники (за исключением Петрокла) усердно трудились над своими изобретениями, Ластианакс надеялся найти Пирру здесь.

Очевидно, цель его визита разочаровала верховного библиотекаря.

– Она занимается вместе с Родопом в секции «Тайнография Б», – ответил старик, неодобрительно покачал головой и удалился.

Ластианакс направился к левитатору, снова и снова прокручивая в голове фразу «она занимается вместе с Родопом». Он терпеть не мог Родопа главным образом потому, что тот, по мнению Ластианакса, проводил слишком много времени с Пиррой.

Он резким движением запустил левитатор, как будто испытывал личную неприязнь к этому устройству, и позволил унести себя к секции «Тайнография Б», не обращая внимания на механизм. Если бы он не был так раздражен из-за своего бывшего одноклассника, то непременно восхитился бы этим гениальным изобретением. Родоп был полной противоположностью Ластианакса: богатый, красивый, светский. Типичный наследник Гипербореи, он буквально с рождения привык к тому, что город у его ног. Ластианакс не мог с ним сравниться, и от осознания своей несостоятельности ненавидел Родопа еще сильнее.

Когда он вошел в секцию «Тайнография Б», Родоп как раз наклонился к Пирре и, одной рукой указывая на механизм, который девушка собирала, другой рукой как бы невзначай касался ее плеча и что-то тихо говорил. Ластианакс мгновенно взбесил этот жест. Он изо всех сил постарался успокоиться, вошел в проход между стеллажами и громко кашлянул. Родоп и Пирра посмотрели на него. Глаза девушки казались огромными из-за увеличительных очков, которые она надела, чтобы работать над изобретением. Сегодня она сменила свой наряд, в котором была на Состязании василевса, на более удобную ученическую тунику.

– Ла-а-аст! – воскликнул Родоп, отодвигая стул и вставая. – Как дела, большой мальчик?

Он по-мужски сжал руку Ластианакса и хлопнул ладонью по его ладони.

– Ой, прости, наверное, теперь мне следует называть тебя «мастер», – продолжил Родоп, подмигивая. («Было бы неплохо», – подумал Ластианакс.) – Так, каково это наконец облачиться в пурпур? Наверное, ощущение собственной важности слегка усилилось, а?

– Главным образом я очень занят, – холодно ответил Ластианакс. – Пирра, могу я с тобой поговорить?

Он говорил непринужденным тоном в надежде, что девушка избавит его от своего обычного сарказма. Пирра склонилась над своим изобретением и, казалось, была полностью поглощена подгонкой двух крошечных шестеренок.

– Можешь поговорить со мной здесь, если хочешь, – ответила она, не поднимая глаз от механизма, как будто ей нет никакого дела до Ластианакса.

– Я хотел бы поговорить наедине, – настаивал юноша.

Родоп одарил его ослепительной улыбкой и приобнял за плечи, как будто хотел подчеркнуть, что он на полголовы выше.

– Ха-ха, у малыша Ласта теперь секреты от нас, – проговорил он, фамильярно встряхивая бывшего одноклассника. – Хочешь признаться в любви Пирре?

Девушка наконец оторвалась от механизма и сдвинула очки на лоб. Покраснев как рак, Ластианакс пытался не обращать внимания на Родопа, а тот, не переставая улыбаться, стиснул ему плечи так, что затрещали кости. Сторонний наблюдатель увидел бы в этом жесте проявление искренней дружбы.

– Итак, Ласт, ты хочешь признаться мне в любви? – с усмешкой спросила Пирра.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так, – прорычал Ластианакс. – Это политическое дело. Конфиденциальное, – пояснил он, отталкивая Родопа.

На этот раз ему удалось привлечь внимание Пирры. Она сняла очки по-кошачьи плавным жестом и повернулась к своему однокласснику:

– Родоп, ты не принесешь мне «Колесные механизмы в магической механике»? Эта книга находится в секции «Магическая механика Р» на последней полке.

Казалось, что Родоп колеблется, но потом отвесил низкий поклон.

– Ваше желание – закон, моя дорогая.

Он отошел, на ходу дружески ткнув Ластианакса кулаком в спину; последний вытерпел это, не дрогнув. После того как ушел Родоп, Пирра и Ластианакс молча посмотрели друг на друга.

– Ваше желание – закон? – иронично повторил юноша.

– Найди себе подружку, Ластианакс, – ответила Пирра, с раздражением заправляя за ухо черную прядь волос. – Может, тогда ты перестанешь интересоваться чужими отношениями. Так что это за политическое дело, о котором ты так хочешь мне рассказать?

Ластианакс уже успел забыть, зачем пришел.

– На самом деле, – начал он, – это касается... ну... Нужно... Чужие отношения? Ты что, встречаешься с Родопом? – спросил он напрямик.

На этот раз он не пытался говорить непринужденным тоном. Пирра скрестила руки на груди.

– Нет. Даже если бы это было так, тебя это не касается. Итак? – добавила она, притопывая ногой.

Ластианакс внезапно почувствовал невероятное облегчение. Он веселым тоном принялся объяснять цель своего прихода, но очень быстро об этом пожалел: Пирра поджала губы, а потом бросила на него яростный взгляд, который устрасил бы самых беспощадных амазонок.

– Это просто уму непостижимо! – гневно воскликнула она. – И это твое политическое дело? Свидание с министром колоний, с этим старым развратником? С какой стати я должна соглашаться на такое? Какая тебе от этого выгода? И что я получу взамен?

Ластианакс подумал, что впервые за долгие месяцы у них с Пиррой получился такой долгий разговор. Правда, учитывая обстоятельства, это не повод для радости. Он опустил голову и стал пристально рассматривать мозаичный пол, собираясь с духом.

– Если ты это сделаешь, Триериос поможет мне получить место министра усреднения, – признал он. – Мне не хватает одного голоса. Я... я не прошу тебя полюбить его, просто посиди с ним в таверне полчаса, пообедай. Поверь, я предпочел бы, чтобы он попросил меня о чем-то другом.

Юноша умолк и продолжал смотреть на мозаичный пол, ожидая реакции девушки. Ответом ему стало ледяное молчание Пирры. Ластианакс почувствовал себя еще более неловко.

– Теперь, когда я больше не могу рассчитывать на поддержку Палатеса, это, наверное, мой единственный шанс стать кем-то большим, чем архивариус или тому подобное. Знаешь, каково здесь жить, если ты не из знатной семьи...

– Равные права.

Удивленный, Ластианакс оторвался от изучения мозаики. Пирра скрестила руки на груди и смотрела в окно, ее лицо словно окаменело.

– Если я соглашусь оказать тебе эту услугу и если ты с моей помощью станешь министром усреднения, пообещай мне сделать все, что можешь, в Совете ради уравнивания прав мужчин и женщин в этом городе.

Она замолчала и уставилась на Ластианакса не мигая, как будто он внезапно стал воплощением гиперборейского закона, а она пыталась его переписать силой взгляда. Несколько долгих секунд молодой человек не мог произнести ни слова. Пирра годами протестовала против юридической и социальной изолированности гипербореек. В общем-то он разделял ее точку зрения, но никогда не стремился положить жизнь на решение этого вопроса. А теперь девушка

приперла его к стенке. Отказаться от сделки значило потерять уважение Пирры, но, согласившись на ее условия, Ластианакс рисковал превратиться в клятвопреступника.

Ластианакс не питал иллюзий относительно своей способности убедить старикашек из Совета позволить их женам жить так, как они сами посчитают нужным.

– Обещаю.

Он не хотел, чтобы Пирра его презирала.

– Тогда можешь сказать Триериосу, что я согласна с ним пообедать, – резко заявила девушка. – Полчаса. В таверне, которую я сама выберу.

Ластианакс не смотрел ей в глаза, опасаясь, что Пирра заметит сомнение, наверняка отразившееся на его лице.

– Спасибо за помощь. Я сообщу Триериосу о твоем ответе, – добавил он, направляясь к левитатору.

– Ласт...

Юноша повернулся, пораженный скорее неуверенным тоном девушки, чем использованием его уменьшительного имени: обычно Пирра никогда не произносила его без насмешки. Она сидела на стуле, вертя в руках увеличительные очки.

– Было бы здорово, если бы ты сдержал это обещание.

Ластианакс кивнул, чувствуя себя не в своей тарелке, и вышел из секции.

Арка

Рано утром, на третий день после Состязания василевса, жена Лофадя Шарикло объявила Арке, что ее призовые деньги наконец-то переведены в хранилище Межуровневого банка. Все это время девочка гостила у тренера и его супруги, большую часть времени хромая по их маленькой квартире (ушибленное во время скачек колено давало о себе знать). В обиталище Лофадя почти вся обстановка напоминала о его профессии. Вместо кровати Арка спала на груде попон. В углу гостиной пылились сваленные в кучу десятки седел, на вешалке болтались потертые удила и подпруги. Целую этажерку занимали баночки с лекарственными средствами для лошадей; насколько поняла Арка, содержимое некоторых флаконов было запрещено правилами скачек.

Все это барахло привносило в дом феноменальное количество грязи и делало квартиру похожей на конюшню, к несказанному отчаянию Шарикло.

В отличие от лысого Лофадя его жена являлась обладательницей пышной шевелюры, лицо у нее было круглое, а длинный нос напоминал клюв хлопотливой утки. До скачек она относилась к Арке с холодком, уверенная, что из-за новой блажи мужа они вскоре пойдут по миру. Теперь, когда эта «блажь» обеспечила их средствами к безбедному существованию до конца жизни, женщина, похоже, готова была удочерить девочку. Теплыми компрессами, которыми Лофадь обыкновенно пользовал лошадей, она лечила поврежденное колено Арки, а также научила ее, какие травы нужно жевать каждое утро, чтобы отпугнуть комаров, выющихся на первом уровне в огромных количествах. Шарикло показала девочке, как пользоваться специальными резервуарами-отстойниками, чтобы сделать воду из канала пригодной для питья. А главное, она проследила, чтобы муж сдержал свое обещание и отдал девочке причитающуюся ей десятую часть выигрыша – сделать это оказалось не так-то просто. В самом деле, гипербореиские банкиры поначалу не хотели открывать счет на имя Арки. Виданное ли дело: девочка, да еще и несовершеннолетняя, не имеет опекуна, который распоряжался бы ее деньгами, но будет владеть тысячей гиперов!

– Тебе повезло, Арка, ты независима, так что будь осторожна со своим золотом, когда отыщешь отца, – серьезно предупредила ее Шарикло. – Чего доброго, он решит перевести все деньги на свое имя.

Эти рассуждения несколько не умилили оптимизма Арки, ей не терпелось отправиться на поиски отца, коль скоро появилась возможность забраться на вершину города. Она проглотила свой завтрак, надела старую коричневую тунику, заштопанную заботливой Шарикло, увернулась от слезливых объятий, в которые женщина норовила ее заключить на прощание, и вышла из квартиры.

У порога стояли старые холщовые туфли, приготовленные для Арки все той же Шарикло. Девочка присела на корточки и надела туфли. От этого движения натруженные во время скачек мышцы свело судорогой, к тому же колено по-прежнему оставалось опухшим. Арка поморщилась и выпрямилась.

Как все тренеры, Лофадь вместе с женой жил в районе близ конюшен, пользующемся дурной славой. Внизу вдоль дороги тянулся канал, в котором пенилась стоячая вода и вверх постоянно поднимался запах плесени. С обвивающей башню лестницы можно было попасть на первые восемь этажей здания, а все вместе они относились к первому городскому уровню. На перилах проходов сушилось ветхое белье, края простыней и подола рубашек волочились по пыли и грязи. Окружающие башни и нависающий сверху акведук погружали район в вечную тьму. Скученность и общая разруха этого места не улучшали настроение соседей: за семь дней своего пребывания здесь Арка узнала об их семейных ссорах достаточно, чтобы сложить целую поэму.

Пока девочка спускалась по лестнице, по-утиному неуклюже переваливаясь с бока на бок, ее провожали взглядами торговцы жевательной смолой из синего лотоса, эти типы сидели тут и там, развалившись на ступеньках. Арка быстро заметила, насколько сильный вред наносит торговля этим пастообразным веществом: оно погружало тех, кто его жевал, в экстатические сны и делало их зубы желтыми. Из-за смолы ее самые преданные потребители забывали поесть и в конечном итоге умирали от голода. Единственным положительным аспектом этой торговли был сам синий лотос: бандиты захватили целые каналы и выращивали там это водное растение цвета индиго, так что над цветами летали стаи стрекоз – очень красивое зрелище.

Девочка пошла по дороге к конюшням, намереваясь попрощаться с Лофадом. После победы она видела тренера всего два раза, в банке, потому что все время он проводил с Карапузом, купаясь в лучах славы: наконец-то ему посчастливилось выиграть Состязание василевса. Арке тоже перепала изрядная доля почестей. Когда она пару раз выбиралась из дома и хромала по кварталу, многие местные жители ее узнавали. Эта известность очаровала девочку. Пока она шла по берегам каналов, какой-то мясник специально подошел ее поздравить. Пройдя несколько улиц, она поравнялась с группой подростков. Один из них подтолкнул своих приятелей, указал на девочку, и вся компания уставилась на нее округлившимися глазами. У подножия одной из башен какой-то старик, сидевший на набережной, увидел Арку и поднял вверх большой палец.

– Хе-хе, славная победа! – проскрипел он.

Остаток пути Арка проделала, гордо выпятив грудь, готовая скромно кивнуть любому, кто пожелал бы выразить восхищение, но больше ей никто не встретился. Разочарованная, она вошла в конюшни, размышляя, не следовало ли перед выходом из дома прикрепить на спину красную тряпицу с номером, которая была на ней во время скачек.

Карапуз с комфортом разместился в отдельном стойле, размером превышавшем соседние стойла вдвое, а рядом сидел Лофад и, высунув от усердия кончик языка, что-то малевал на широкой доске. Закончив работу, тренер отложил кисточку и критически оглядел получившуюся надпись:

КАРАПУЗ – ВЕЛИКИЙ ЧЕМПИОН,
ВЫИГРАВШИЙ СОСТЯЗАНИЕ ВАСИЛЕВСА

Ниже стояла приписка:

Один борион за вход

Лофад взял молоток и воткнул вывеску в землю перед стойлом Карапуза, потом украдкой поцеловал коня в ноздри, а тот в ответ попытался укунить тренера.

– Неужели найдутся желающие за это заплатить?

Лофад подскочил от неожиданности и повернулся к Арке:

– Ах, эфо фы! Ну фто, похофе, ты хломаефь не так сильно, как плежде. И, да, ты и пледставить себе не можефь, сколько востолженных болванов уже ласкофелились, и, повель мне, сегодня еффе плидут! – с энтузиазмом заявил он.

Словно в доказательство его правоты у входа в конюшню появился мальчик – ровесник Арки. На голову паренек нахлобучил старый колпак, какие носят горцы, из-под которого выбивались каштановые кудри. Арка мельком удивилась: к чему так утепляться, ведь под куполом всегда тепло.

– Это вы будете Лофад? – спросил новоприбывший. – А это – Карапуз? – восторженно добавил он, указывая на белого коня. – Можно на него посмотреть?

Он выговаривал слова очень отчетливо и чуть-чуть нараспев – типичный акцент аристократа. С другой стороны, его туника, похоже, принадлежала бродяге. На запястьях мальчика были повязаны обрывки цветной ткани на манер браслетов.

– Вход – один борион! – поспешил объявить Лофад, указывая на табличку.

Мальчик порылся в карманах, бросил горсть монет в протянутую ладонь Лофадя и, точно зачарованный, подошел к Карапузу. Арка покосилась на руку тренера.

– Слушайте, но он же выложил по меньшей мере гипер... – прошептала она, пока мальчик тщетно пытался погладить пони, а упрямое животное поворачивалось к нему задом.

– Какая лазница, мальфифка из магов, делжу пали, он мелочь даже не сфитает, – ответил Лофадь, разделяя монеты пополам. – Вот твое золофо. Ну так фто, договорились? Я позабофусь о Калапузе, а после поделим полученные денефки?

Несколько минут они ожесточенным шепотом торговались, потом все же пришли к соглашению. Арка кивнула, ни на секунду не веря, что Лофадь будет добросовестно отстегивать ей половину сборов. Тренер был настолько честен, насколько это возможно в мире скачек, где мораль являлась весьма относительным понятием. Только твердость и неусыпная бдительность Шарикло позволили Арке выбить свою долю награды. Однако теперь у нее появилось достаточно золота, а Карапузу не нашлось места на седьмом уровне. Конь только что наложил огромную кучу навоза под нос своему новому поклоннику, дабы продемонстрировать свое плохое настроение.

– Эй, а можно я куплю прядь с его гривы? – воскликнул мальчик, ничуть не огорошенный при виде навоза. – Это принесло бы мне удачу сегодня во время испытаний Атрибуции.

– А сколько фы готофы запла... – начал было Лофадь.

– Нет! – отрезала Арка, совершенно не желавшая в один прекрасный день обнаружить, что Карапуз стал таким же лысым, как тренер.

– Тогда можно на нем покататься? Всего один кружочек по полю...

На этот раз Лофадь и Арка рявкнули хором:

– Нет!

Мальчишка обиженно надулся, в последний раз попытался погладить Карапуза, тут же отдернул руку, чтобы избежать укуса, и поспешно ушел из конюшен с пунцовыми ушами.

– Это офень плохо, плиоблести влага в лице кого-то из магов, – мрачно заметил Лофадь, глядя вслед сердитому юнцу.

– О каких испытаниях он говорил? – спросила Арка.

Она подошла к загону, погладила Карапуза, и на этот раз конь позволил ей это сделать.

– А мне какая лазница? Какие-то дела богатеев, котолые меня не касаются, – проворчал тренер. – Кстати, фто ты тут делаефь?

– Пришла с вами попрощаться, – ответила Арка. – Я ухожу на седьмой уровень.

– А, отплавляефься на поиски своего отца-мага, да? Фто ты пло него знаефь?

Не переставая почесывать морду Карапуза, Арка пожала плечами:

– Практически ничего. Знаю только, что он маг и когда-то жил в Напоке.

– Твоя мать больфе ничего тебе пло него не лассказала?

– Она умерла, рожая меня, – ответила девочка, пальцами расчесывая гриву коня. – Про отца мне рассказала женщина, которая меня вырастила.

– А где она сейфас, эта фенфина?

– Тоже умерла. Ладно, пожалуй, мне и правда пора, – сказала Арка. Ей не хотелось развивать эту тему. – Хорошенько позаботьтесь о Карапузе ради меня, – добавила она и в последний раз погладила морду животного.

Лофадь озабоченно поглядел на девочку, потом подошел, явно намереваясь обнять, но в последний момент опомнился и неловко похлопал ее по макушке.

– Смелая фефочка. Смотри, поаккулатнее там, на седьмом уловне, там полно плидулков, – добавил он ворчливым тоном.

Арка кивнула, дружески ткнула тренера кулаком в плечо и направилась к выходу. Лофадь крикнул ей вслед:

– Все-таки ты была плава! Я очень лад, что ты не ушла к тленелу тлетьего уловня, а не то кусал бы я сейфас локти!

– Ой, вообще-то я к нему ходила, к нему и ко всем остальным тренерам, – весело ответила Арка. – Вы были последним в моем списке. Зато сейчас именно они кусают локти.

Лофадь провожал ее потрясенным взглядом.

Час спустя девочка забрала из Межуровневого банка золото и наняла возницу. Кучер привез ее к ближайшему подъемнику, где ждали, выстроившись в ряд, черепахи, доставлявшие на второй уровень грузы и пассажиров. Когда подошла их очередь, возница загнал своего зверя в опущенную в канал сеть. Арка уплатила положенную пошлину в два гипера рабочему, который приводил в движение подъемник. Закрутились шкивы, сеть натянулась, и черепаха взмыла вверх; с ее панциря капала вода. Сидевшая верхом на рептилии Арка ухватила за ближайшую веревку.

– Ты не отсюда? Первые несколько раз это всегда впечатляет, – весело сказал кучер.

Оказавшись наверху, черепаха поплыла по каналу второго уровня. Арка рассеянно слушала истории, которыми потчевал ее возница. Путешествовать по подвесному каналу оказалось весьма необычно. Такие понятия, как «земля» или «улицы», потеряли всякий смысл, и приходилось мыслить категориями «мостов», «переходов» и «платформ». Вдоль водяной дороги протянулись узкие тротуары, обрамленные небольшими парапетами, а за ними зияла пустота. Прохожие шагали по этим дорожкам как ни в чем не бывало, и казалось, что они совершенно не боятся упасть с тридцатифутовой высоты, а именно это ждало любого человека, имевшего неосторожность оступиться. Арка увидела, как какая-то мать ругает детей за то, что те играли слишком близко к краю. По грязной воде тянулись разноцветные полосы, они стекали из тесных мастерских, в которых светились красным жерла горящих печей.

Внутри ремесленники ловко манипулировали мягкой полупрозрачной пастой из стекла, нагретого до высокой температуры.

– Стеклодувные мастерские Малой Напоки, – пояснил кучер, очевидно, загоревшийся идеей показать девочке город. – Здесь много напокских иммигрантов, они производят все светящиеся шары и адамант Гипербореи.

Пройдя еще один подъемник и уплатив положенную пошлину, они поднялись на третий уровень. Он оказался чище двух предыдущих; кое-где на стенах даже появились фрески, полностью покрывавшие стены верхних этажей. В остальном уровень напоминал большой рынок. По обеим сторонам канала открывались входы в торговые лавки. Торговцы пытались вести дела даже на акведуках: они прикрепили к перилам тротуаров небольшие киоски, так что те висели над пустотой. В каналах лодки служили плавучими прилавками. Продавали еду, глиняную посуду, магические механизмы, за умеренную плату предсказывали судьбу и оказывали прочие сомнительные услуги. Черепаха с трудом протискивалась через переполненные каналы, Арку и возницу окликали десятки торговцев, предлагавших посмотреть на их товары.

Они поднялись на четвертый, а затем и на пятый уровни, миновали другие ремесленные кварталы, заполненные литейными, гончарными и ткацкими мастерскими. Повсюду ремесленники чеканили, гнули, гравировали, красили, прополаскивали. Материалы взмывали в воздух, воспламенялись и изменяли форму под действием магии. В воде плавали груды мусора, сновали туда-сюда груженные товарами черепахи. Окружающая суeta настолько затянула Арку, что она забыла о наличии купола над ее головой и о пустоте под ногами. Ей казалось, будто она попала в сердце большого города вроде Напоки, расположенного на земле.

Когда они добрались до пункта пропуска пятого уровня, кучер указал девочке на башню, которую она не заметила: огромное сооружение только что появилось в просвете между зданиями. Башня была раз в шесть шире прочих и выглядела еще внушительнее из-за отсутствия в ней окон.

Округлые стены колоссального сооружения были покрыты рядами барельефов, тянувшихся снизу и до самой вершины, так что башня казалась одной гигантской скульптурой. Вершину ее венчал прекрасный дворец, весь в галереях и обсаженных деревьями террасах.

– Что это? – спросила Арка, пока черепаха заползала в сеть подъемника.

– Водный замок, – ответил кучер. – Там живет василевс.

– А почему в этой башне нет окон? – снова спросила девочка, отдавая пять гиперо́в рабочему.

– Потому что это водный замок, – ответил возница. – Под башней течет подземная река. Магическомеханический насос поднимает воду во дворец, а оттуда она уже течет по каналам. Вот почему у магов вода самая чистая, – добавил он, недовольно сдвигая брови. – Вот, взгляни-ка туда, – сказал он, указывая на большую мрачного вида башню с бойницами. – Это тюрьма Экстрактрис. Люди прозвали ее Выжималкой.

– Почему?

– Думаю, это как-то связано с анимой, – ответил возница.

На пятом уровне, тихом и чистом, располагались уютные жилища мастеров и богатых купцов. У каждого подоконника стоял свой небольшой подъемник и горшок с ароматными травами. Вьющиеся растения плотными занавесями спускались с мостов в прозрачную воду, где плавали маленькие блестящие рыбки. Тень башен отступила, и стали видны геометрические узоры, украшающие стены. На шестом уровне, заселенном чиновниками, квартиры стали еще роскошнее. Дно каналов было выложено белым камнем, в чистой воде колыхались водоросли. Вдоль тротуаров поднимались кованые перила. Возможно, у Арки просто разыгралось воображение, но ей казалось, что здесь легче дышится, а воздух стал прозрачнее. Она поделилась с кучером своими соображениями на этот счет.

– Это из-за печатей, очищающих воздух, – пояснил тот, указывая на купол.

Арка запрокинула голову и увидела, что на алмазовом своде высечены гигантские круги, заполненные странными узорами.

– На нижних уровнях тоже есть печати, но они вечно неисправны. Казначейство заявляет, дескать, у них недостаточно денег, чтобы обеспечить их бесперебойную работу. Вот ведь вздор! Эти маги пускают в ход жалкие отговорки, а тем временем воздух внизу застаивается, плодятся комары и множатся болезни! Это я уже не говорю про всяких бандитов. Магистерии́ум позволяет кланам вершить закон на нижних уровнях, поэтому нет необходимости оплачивать работу полиции. Как удобно!

Кучер еще какое-то время поносил на все лады прижимистых магов, и вскоре они достигли таможенного поста седьмого уровня и начали заключительную часть подъема. Теперь они уже находились так близко к куполу, что Арка видела отражение черепахи в его алмазовой поверхности. Появились угнездившиеся на вершинах башен виллы магов, по красоте не уступавшие дворцу василевса: повсюду колоннады, фонтаны из нефрита, мраморные скульптуры, пышные растения и фрески. Арка выпрыгнула из сети и взглянула на открывшуюся перед ней головокружительную пропасть. С высоты казалось, будто нижние части башен жмутся друг к другу. Плотная сеть акведуков закрывала обзор, погружая первые уровни в вечную тьму. На мгновение девочка представила, как летит вниз, до самого городского дна, кружит между каналами и башнями... Нет, пока что она не способна на такой полет; к тому же ей потребовалось столько усилий, чтобы достичь вершины города, что глупо покидать его так рано.

Поднявшись на последний уровень, девочка заплатила кучеру и спрыгнула на тротуар, покрытый разноцветной мозаикой. Возможно, Гиперборея и не была вымощена золотом, но на седьмом уровне город мог не стыдиться своей репутации.

Арка двинулась в путь, оглядываясь в поисках магов. Ей сказали, что их тут больше шестисот, и, добираясь на седьмой уровень, девочка ожидала увидеть здесь толпу кудесников. Однако, по сравнению с нижними, кипящими жизнью уровнями города, верхний уровень пора-

жал тишиной и спокойствием: здесь в каждой башне жил один обитатель, так что плотность населения на седьмом уровне была намного меньше, чем в остальных частях Гипербореи.

Девочка побрела вдоль каналов, но поначалу ей навстречу попадались только слуги; они занимались своими делами, чистили мозаику, поливая ее из волшебных шлангов, подрезали выющиеся растения и сетями вылавливали из каналов мусор, изредка проплывавший в голубой воде. Арка уже начала задаваться вопросом, не являются ли все эти слуги на самом деле знаменитыми магами, посвятившими себя службе обществу, но тут наконец увидела на ступенях виллы первого мага.

Он выходил из дома в сопровождении юного слуги: парнишка немногим старше Арки поправлял драпировку хозяйской пурпурной тоги. Собранная идеально ровными складками, тяжелая ткань, обернутая вокруг правого плеча мага, ниспадала с предплечья и подметала пол, что явно делало эту одежду очень неудобной для ношения в жарком климате Гипербореи. Кучер подвел к важному господину черепаху. Маг раздраженным жестом отпустил слугу и стал взбираться на животное, то и дело поправляя одежду. Мальчик мрачно наблюдал, как хозяин садится на черепаху, потом заметил идущую к нему Арку. На нем была белая туника, подхваченная на талии двумя тонкими оранжевыми поясками.

– Привет! – воскликнула Арка.

– Доброе утро, – нахмурившись, ответил слуга.

– Извини, мне нужно кое-что узнать, – сказала девочка напрямик. – Твой хозяин когда-нибудь жил в Напоке?

– Мой наставник никогда не покидал Гиперборею, – надменно ответил мальчик.

– Вот как, – протянула Арка, одновременно разочарованная и растерянная. Что он имел в виду под словом «наставник»? – А ты не знаешь другого мага, который когда-то жил в Напоке?

– Нет, – коротко сказал слуга. – Всего доброго.

Затем он вошел в виллу и захлопнул за собой дверь. Несколько отрезвленная этим разговором, Арка гадала, как ей подступиться к магам, если даже их подчиненные так недружелюбны. По крайней мере, с одним магом она разобралась. Осталось много других.

К счастью, слуги, которых Арка встретила у следующих каналов, оказались более разговорчивыми. Да, их хозяин маг, и, насколько им известно, он никогда не жил в Напоке. Зачем девочке это знать? Ах, она ищет дальнего родственника... Разговор заканчивался этим расплывчатым объяснением, которое неизбежно вызывало у ее собеседников подозрения. Арка переходила с подвесных каналов на платформы и обошла, наверное, четвертую часть седьмого уровня, снова и снова повторяя одни и те же вопросы, но все без толку.

Около полудня девочка в изнеможении остановилась рядом с акведуком, закрытым для движения черепах, и вошла в разбитый прямо на канале ухоженный садик. Вверху, перпендикулярно каналу, протянулась крытая галерея, вся увитая цветущими выющими растениями. На воде величественно покачивались гигантские водяные лилии. Арка села между двумя колоннами, сняла обувь и окунула больную ногу в прохладную воду: колено снова распухло. Несколько любопытных рыбок тут же подплыли к ноге и стали щекотать кожу ступни. Беседку оплетали виноградные лозы, а справа от девочки висела большая спелая гроздь. Арка сорвала ее и принялась жадно поедать виноградины. По дороге она не заметила ни одного места, где можно было бы купить еды. Наверняка у каждого мага здесь свой личный повар.

На другом конце акведука сидели и болтали три юные девицы лет шестнадцати; они устроились прямо на ярко-зеленых листьях гигантских водяных лилий, и те почти не прогибались под их весом. Длинные платья девушек были украшены золотыми фибулами. В самом изысканном наряде щеголяла фигуристая девушка с густыми каштановыми волосами и подкрашенными голубыми глазами, которая с помощью маленькой кисточки мазала губы красной мазью. Худенькая блондинка, сидящая, скрестив ноги, на том же листе кувшинки, держала на вытянутых руках карманное зеркало и с завистью смотрела на баночку с мазью и кисть. На

соседнем листе примостилась брюнетка с выступающим вперед и немного вверх подбородком и тоже окунала ноги в воду.

Арка не торопилась подходить к девицам и задавать вопросы о своем отце. Она еще не очень хорошо разбиралась в правилах поведения, принятых на седьмом уровне, но всегда и везде существует негласная иерархия между девочками тринадцати лет и шестнадцатилетними девушками. Требовалась очень веская причина, чтобы преодолеть взаимное равнодушие, которое они испытывали друг к другу. К тому же три подружки продолжали сплетничать с таким видом, будто Арки вовсе не существует, хотя она сидела всего в нескольких шагах от них.

– Нам уже пора идти, – сказала брюнетка. – Атрибуция скоро начнется.

– Ничего, у нас еще есть время, – ответила девушка с каштановыми кудрями.

Она закончила накладывать мазь, сложила подкрашенные губы бантиком, любуясь собой в зеркало, потом поправила собранный складками лиф своего оранжевого платья.

– Твой хитон просто чудо, Аспази, – восторженно проговорила блондинка.

– Ой, правда? – удивилась названная Аспази, одергивая подол. – Он же совсем простой, я заказала его у своего портного в прошлом месяце. Вообще-то, у меня полно старых хитонов, так что могу отдать тебе несколько, все равно они мне не идут, а ты без проблем в них влезешь, – добавила она, сочувственным взглядом окидывая плоскую грудь собеседницы.

Аспази причмокнула накрашенными губами и снова любовалась своим отражением, потом небрежно взмахнула рукой, позволяя подруге опустить зеркало. Блондинка положила зеркальце на лист кувшинки, подтянула одну ногу к груди, уткнулась подбородком в коленку и состроила недовольную гримасу.

– Ужасно, что придется выйти замуж ради возможности носить, что захочу, – пожаловалась она. – Мать никогда не позволяет мне самой выбирать наряды.

– Да, но, выйдя замуж, ты приобретешь новых родственников, и семейка твоего мужа примется следить за тобой, – заметила брюнетка, болтая ногами в воде.

– Нет, если я найду себе богатого мага с собственной виллой, – заявила блондинка с таким хитрым видом, словно до нее такая мысль никому в голову не приходила. – Одолжишь мне твой бальзам для губ, Аспази?

– Тогда у тебя есть все шансы выйти за старую развалину, – насмешливо сказала Аспази, протягивая подружке баночку с мазью и кисточку. – Молодые маги все равно что нищие, они все живут на шестом уровне или со своими семьями. Кстати, раз уж речь зашла о старых развалинах, вы знаете, что Эвриклея скоро выйдет замуж за главного архитектора?

– Не может быть! – воскликнула блондинка, тыкая кисточкой в баночку.

– Он был женат на ее кузине, но та умерла родами, так и не дав жизнь ребенку, – пояснила Аспази. Очевидно, возможность пересказать приятельницам свежую сплетню очень ее обрадовала. – Главный архитектор был очень расстроен, он ведь любой ценой вознамерился обзавестись наследниками перед смертью, а кончина его не за горами. В общем, он потребовал у семьи своей покойной жены предоставить ему новую невесту в качестве компенсации, и его выбор пал на бедняжку Эвриклею.

– Но это же ужа-а-асно! – вскричала блондинка, не переставая мазать губы краской.

– Эвриклея должна отказаться от этого брака! – поддержала ее брюнетка.

– Если она откажется, то рискует настроить против себя всю семью, и тогда не видать ей замужества как своих ушей, – возразила Аспази. – Представляете, каково это – остаться старой девой? Какой ужас. Кто же будет покупать ей хитоны?

Брюнетка подвигала своим выдающимся подбородком.

– Эвриклея могла бы работать, тогда получала бы золото, – предположила она.

Две ее подруги скорчили гримасы ужаса.

– Да кто же захочет опуститься на один уровень с плебеями, превратиться в старуху к тридцати годам и иметь мозолистые руки? – воскликнула блондинка.

– Я не имела в виду работу простонародья, – попыталась исправить свою оплошность брюнетка. – Она могла бы стать ученицей, как твоя сестра, Аспази.

– Пирра странная, – пренебрежительным тоном заявила Аспази. – Она страшная эгоистка, из-за ее нелепого решения стать ученицей вся семья встала на уши. Видела бы ты лицо отца, когда он узнал, что его доченька записалась на Атрибуцию. И все ради чего? Пять лет корпеть над книгами ради возможности работать всю жизнь? Какой в этом смысл? У нее же совершенно нет времени на себя, это невыносимо.

– По крайней мере, твоей сестре не придется выходить замуж, чтобы жить достойно, – возразила брюнетка. Было видно, что ей хочется оставить за собой последнее слово. – Возможно, однажды она даже войдет в Совет или...

– Скажешь тоже, – фыркнула Аспази, перекидывая длинные пряди волос себе за спину. – Даже став магом, она не сможет работать в Магистерии, ведь она женщина – это против закона. И мать твердо намерена выдать Пирру замуж. Вы не представляете, как она злится, видя, как сестрица обходится с Ластианаксом, в то время как он становится такой выгодной партией... К счастью, в последнее время вокруг Пирры увивается Родоп, это дает матери хоть какую-то надежду.

– А-а-ах, – вздохнула блондинка. – Я бы не стала возражать, если бы мне приказали выйти за него замуж...

С этим никто из подружек спорить не стал: все три мечтательно закатили глаза, потом подобрали юбки и, перепрыгивая с листа на лист, добрались до берега канала и ушли. Яркие хитоны еще некоторое время мелькали за листьями плюща, потом исчезли из виду. Оставшись одна, Арка грустно вздохнула. Иногда ей казалось, что в каких-то аспектах жизни она взрослеет слишком быстро, зато в других безнадежно отстает. Мальчишки, косметика, наряды – все это было ей чуждо и странно. Она вытащила ноги из воды и, неся туфли в руке, побрела по берегу, глядя на открывающийся за парапетом пейзаж. Вокруг нее на вершинах башен, словно цветочные бутоны на концах длинных стеблей, возвышались роскошные виллы.

Когда ее ноги высохли, девочка снова надела обувь, вышла из висячего сада и двинулась в ту же сторону, куда ушли три девушки. Может, ее отец живет в той части седьмого уровня.

Она шла уже с четверть часа, как вдруг в конце акведука появилась золотая черепаха, похожая на ту, которую Арка пыталась угнать несколькими днями ранее.

На панцире рептилии сидели трое мужчин: они с энтузиазмом сравнивали татуировки, покрывавшие их плечи и руки, и поигрывали мускулами.

Арка узнала троих бандитов, которые недавно за ней гнались. Девочка поспешно повернулась к перилам и притворилась, что любит вид. И надо же было такому случиться: наткнуться на эту троицу на седьмом уровне! Если ей повезет, они проплывут мимо, не обратив на нее внимания...

Этажом ниже на соседней башне висел большой рекламный плакат, изображавший мускулистых рабочих. На нем огромными белыми буквами было написано: «ПРИ ПЕРЕЕЗДАХ И ПЕРЕВОЗКЕ МЕБЕЛИ ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ ДЕМАГИКА, СПЕЦИАЛИСТА ПО ЛЕВИТАЦИИ!» Не отрывая глаз от этого предложения, Арка чутко прислушивалась к звукам у себя за спиной: черепаха продолжала двигаться по каналу. Когда рептилия почти поравнялась с девочкой, с панциря послышались возгласы. Плечи Арки напряглись. Она обернулась и увидела, как тройняшки бросились к ней.

Арка не была экспертом по левитации, но знала толк в переездах и передвижении шкафов.

Тройняшки

Альси, Ари и Акси родились не особо умными, но при должном воспитании из них мог бы выйти толк. Увы, их было трое. Исправить одного сына возможно, воспитать должным образом двоих уже довольно трудно, если же у вас на руках трое оболтусов, задача превращается в невыполнимую. Прибавьте к этому рано умершего отца, а также мать, занятую управлением воровской шайкой, и получите трех братьев с ограниченным интеллектом, для которых единственным образцом для подражания стали головорезы из преступного клана. Тройняшки компенсировали свою глупость еще большей глупостью и целыми днями убеждали окружающих в том, что к такому уровню идиотизма нельзя относиться легкомысленно.

После несостоявшейся кражи их любимой черепахи, которую чуть не умыкнула какая-то пигалица, тройняшки принялись действовать с упорством, достойным лучшего применения. Вот уже пять дней братья повсюду искали нахалку, дабы, найдя, навести на малолетку ужас, ведь всем положено их бояться. Гильдии кучеров, которую контролировал их клан, они сообщили приметы девчонки и посулили награду тому, кто на нее укажет. Несколько раз им сообщали неверные сведения (для нескольких возниц попытка получить денежки обманном путем плохо закончилась), и вот наконец тройняшки напали на след. Они немедленно поспешили на седьмой уровень, попутно добавив в список своих претензий к воровке необходимость тащиться в такую даль. Тройняшки ненавидели магов, а значит, и седьмой уровень.

Они подхлестывали свою черепаху, чтобы догнать стоявшую возле парапета девчонку, и затормозили рядом с ней, так что на тротуар хлынула волна. Облокотившаяся на парапет девочка вздрогнула, увидев, что братья слезают с рептилии. Привыкшие к такой реакции – приятная сторона их работы – тройняшки выплюнули комки лotosовой смолы и захрустели костяшками пальцев. Альси как старший брат (он вышел из утробы матери на полминуты раньше остальных) взял слово:

– Знаешь, зачем мы здесь, девчонка?

– Из-за черепахи, разумеется, я же не дурочка.

Альси растерялся, но тут же опомнился и склонил голову набок, демонстрируя вытатуированный на шее цветок лотоса.

– Да, но ты знаешь, кто мы? Знаешь, что это значит? – добавил он, яростно похлопывая по татуировке.

Девчонка равнодушно пожала плечами.

– Это знак того, что мы из клана Синего Лотоса, – провозгласил Альси, раздуваясь от важности. – Мы Титановы Тройняшки.

Придумывая название для своей банды, братья долго спорили и даже посетили библиотеку, где какой-то ученый с удивительной скоростью предложил им на выбор целый список громких именований. Надо сказать, предварительно братья подвесили того эрудита над пропастью, чтобы ему лучше думалось. Альси церемонным жестом поочередно указал на себя и двух своих братьев:

– Я Альси, а это Акси и Ари.

На самом деле братьев звали Альсибиад, Анаксимен и Аристобюль, но разве уважающие себя бандиты могут называться такими именами?

– Приятно познакомиться, а меня зовут Арка. Ну что, приступим? У меня времени мало.

Сбитые с толку подобной уверенностью, тройняшки переглянулись и пришли к молчаливому согласию не останавливаться на полумерах. Они вытащили из карманов телескопические дубинки и раздвинули их, так что получились три зловещего вида громовых копыя, которые тройняшки в свое время похитили у полицейских. На концах копий искрились электрические огоньки.

Альси с удовлетворением отметил, что на лице их юной противницы промелькнула тень беспокойства. Девочка пошире расставила ноги и переводила настороженный взгляд с одного копья на другое. Бандиты стали наступать на нее, размахивая оружием. Арка отступила на шаг и уперлась спиной в парапет.

Когда братья уже думали, что загнали ее в угол, негодница вдруг проскользнула под руками Акси и Ари, пнула последнего по ноге, и, воспользовавшись тем, что здоровяк пошатнулся, выкрутила ему запястье и выхватила громовое копьё. Затем она по-кошачьи ловко подпрыгнула и приземлилась в нескольких шагах от тройняшек – те только рты поразевали, ошарашенные таким проворством.

Воцарилось молчание.

– Да разве такая малявка сможет управиться с копьём, – пробормотал Ари.

В ответ Арка закрутила оружие вокруг себя, как будто орудовала копьём с рождения, а затем бросилась в атаку. Двадцать секунд спустя тройняшки лежали на набережной вдоль канала, а два громовых копья валялись у их ног. Ослепительно улыбнувшись, Арка сложила копьё и бросила на землю перед Альси.

– Ну, давайте на этом остановимся, ладно? – нагло предложила она. – Я бы еще немного вас попинала, но у меня есть дела поважнее.

Она повернулась и пошла прочь вдоль канала. Ошеломленные тройняшки поглядели на свое оружие. Годы преступной деятельности привили им определенные принципы: во-первых, любое оставленное безнаказанным оскорбление является признаком слабости; во-вторых, никогда нельзя поворачиваться спиной к вооруженному врагу. Не колеблясь ни секунды, Акси схватил копьё и что есть силы швырнул в Арку.

Вдруг откуда ни возьмись налетел порыв ветра, и прямо перед Акси возник полупрозрачный светловолосый юноша. Призрак шелкнул по копьё, потом закрутился серым вихрем и, со свистом рассекая воздух, исчез. Сбитое с траектории оружие слегка задело плечо Арки и, перелетев через парапет, исчезло где-то внизу.

Девочка вскрикнула от удивления и повернулась к тройняшкам, а те, открыв рты, таращились на пустое место, где совсем недавно находился едва видимый призрак. Только что у них на глазах случилось нечто необъяснимое. Братья торопливо подняли два лежавших у их ног копья, запрыгнули на черепаху и помчались прочь по каналу, без усталости подхлестывая рептилию.

Эмброн и Тетос

На первом уровне Эмброн демонстрировал свой новый форменный доспех. Охранник только что купил его у оружейника, не устояв перед искушением, надел обновку, несмотря на удушающую жару, и теперь исходил потом в раскалившейся на солнце броне.

– Это самая последняя модель, – тоном знатока объяснял он Тетосу. Напарник разглядывал покупку товарища, завистливо ворча. – Сверхлегкий сплав из орихалка и стали; электрическая изоляция, защищающая от поражения громовым копьём; усиленная в четыре раза вентиляция ступней и подмышек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.